

В. А. Яковлев

Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Общество с ограниченной ответственностью «Евразия» (г. Томск)

Мы с тобой одной кровью – ты и я!

Научно-популярный очерк
для школьников средних и старших классов

Издательство Томского университета
2013

УДК 574+39
ББК 74.200.52+63.529(253.3)
Я46

Я46 **Яковлев Я.А.** «Мы с тобой одной крови – ты и я»: Научно-популярный очерк для школьников средних и старших классов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 68 с.: ил. 400 экз.

ISBN 978-5-7511-2161-7

Очерк призван одновременно формировать у читателей основы экологического воспитания и историко-этнографические знания. Через образ бобра, являющийся и представителем фауны Северо-Западной Сибири, и героем сакрального пространства местных коренных народов (прежде всего хантов и манси), представлены нормы природосберегающей этики, оформленные в каноны традиционных представлений о природе, о месте и роли человека во взаимоотношениях с ней. В популярной, доступной подростку форме даны сведения о глубокой экологичности миропонимания традиционных сибирских обществ, которые наполнили природоохранными идеями и хозяйственную деятельность, и мировоззрение, и искусство, и другие компоненты своей культуры. В качестве иллюстраций использованы образцы древнего, средневекового и традиционного искусства с указанной территории: металлопластика, костяная и керамическая скульптура, гравированные рисунки, элементы орнамента и т. п.

Издание включает все самые последние данные в сфере естественнонаучного и гуманитарного сибиреведения и будет полезно не только школьникам средних и старших классов, кому непосредственно оно адресовано, но и всем, кто интересуется природой, историей и этнографией Сибири.

При реализации проекта использованы средства, выделенные в качестве гранта в соответствии с постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 29.10.2009 № 288-п «О государственной поддержке проектов в области культуры и искусства».

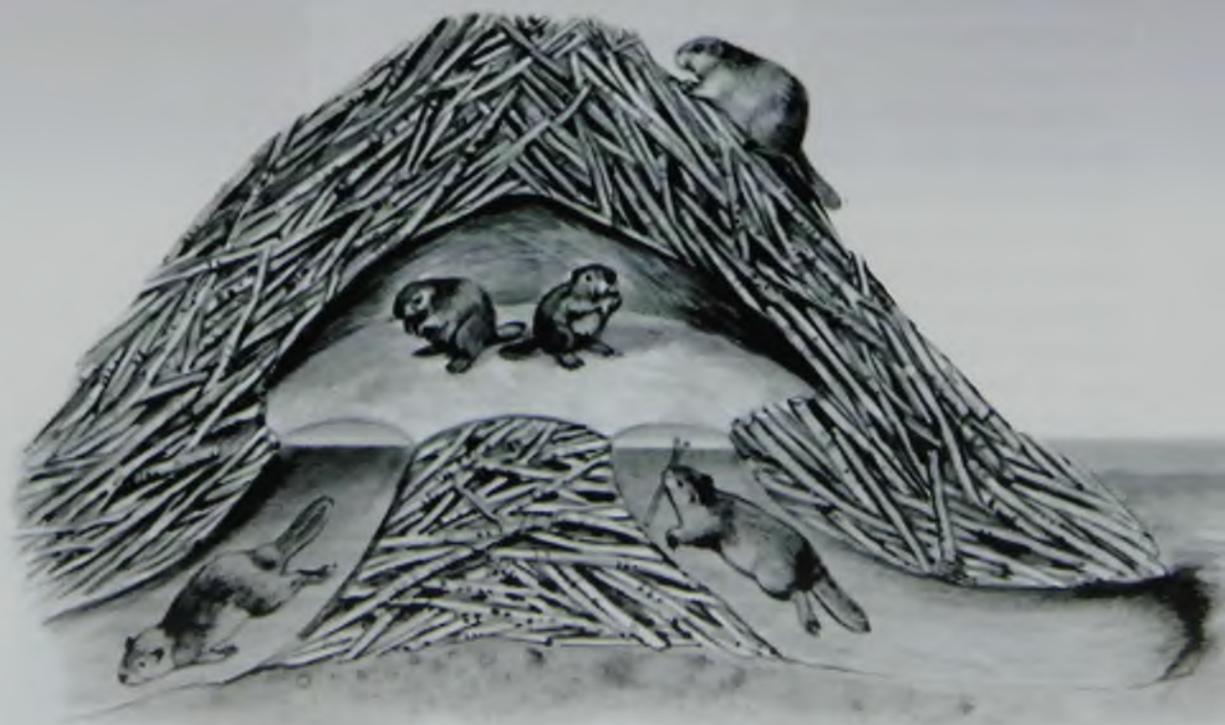
УДК 574+39
ББК 74.200.52+63.529(253.3)

ISBN 978-5-7511-2161-7

© Я.А. Яковлев, 2013
© Е.С. Залозная, 2013 (оформление обложки)

*Работающие зверьки
Строят дом среди реки.
Если в гости кто придёт,
Знайте, что из речки вход.*

Детская загадка

Когда мы произносим или читаем слово «воробей», то любой из нас тут же мысленно видит этого хлопотуна – так же, как может наблюдать его воочию по многу раз на день. При словах «белка» или «бурндук» уже далеко не каждый в состоянии представить этих зверьков в окружении живой природы. Это может лишь тот, кто любит бывать в лесу. И совсем уж трудно опираться на собственный опыт, услышав слово «бобр». В этом случае большинству из нас видится и вспоминается не лес или река, а клетка зоопарка, монитор компьютера, экран телевизора либо картинка в книге.

Давайте же взглянем на бобра поближе – и его уникальность, и та роль, что он сыграл в судьбе и культуре коренных сибиряков, заслуживают такого внимания.

Знакомство начнём с того факта, что бобры живут на планете очень и очень давно. Правда, пра-пра-прадедушки нынешних животных, если бы имели возможность увидеть своих потомков, наверняка сказали бы лермонтовское «Богатыри – не вы». С полным на то правом, ибо, по мнению некоторых палеозоологов, бобры, жившие в Северной Америке во время последнего оледенения (более 10 тыс. лет назад) рядом с мамонтами, пещерными медведями и саблезубыми тиграми, достигали в длину до 2,7 м и весили до 220 кг. Гиганты! Бобр размером с медведя – что-то в стиле фэнтэзи... Однако к концу

ледниковой эпохи это животное уже имело нынешние размеры и внешность.

При этом надо помнить, что бобр бобру рознь. Да, они обжили практически всю северную окраину нашей планеты (за исключением Сахалина), но при этом отличаются друг от друга. Есть «речные бобры», живущие в Евразии, в том числе и у нас в Сибири, и есть «канадские бобры», которые обитают в Северной Америке.

Нынешним сибирякам известен ещё и «болотный бобр» – так иногда называют ондатру, близкую «родственницу» бобра. Но этот иноземный гость был впервые завезён в Югру только на рубеже 1920–1930-х гг. Сначала, в 1929 г. сотню канадских мигрантов выпустили в р. Демьянку, где они быстро освоились. А в 1932 г. уже отсюда 49 диковинных животных перевезли на р. Малую Сосьву, откуда позже цепочка расселения продлилась на р. Казым и Вах. Через четыре года 100 ондатр начали осваивать водоёмы Ямало-Ненецкого округа. До той поры ондатра была совершенно незнакома приобским аборигенам и, естественно, никакого отражения ни в их истории, ни в их культуре не получила.

Бобр – даже измельчавший – получил от знатоков-натуралистов титул «короля грызунов». А кое-кто называет его «мышью, увеличенной

до громадных размеров».

Почему? Да потому, что гигантский, почти трёхметровый бобр и всем

Западносибирский речной бобр.
Автор – С. Каратаева, 15 лет
(г. Лянтор ХМАО – Югры)

известная Мышка-норушка из русской сказки – самые близкие родственники. Согласно классификации биологов, бобр входит в класс *млекопитающих* отряда *грызунов* семейства *бобровых*.

Есть ещё и подвиды. У нас в Приобье их два. Первый – *западносибирский* (*североазиатский, зауральский, кондо-сосьвинский*). Это эндемик, то есть нигде более на планете в диких условиях он не обитает. Этот бобр сохранился в зауральской глуши с древнейших времён, и потому применительно к нему часто используется прилагательное «аборигенный». Это его «портреты» сохранились в брон-

зовых отливках, гравировках на металле и традиционных орнаментах. Второй – это пришлый *восточноевропейский*, расселённый в середине прошлого столетия в основном из Воронежского заповедника.

Это самый крупный грызун в Сибири. В сытную пору лета и осени он имеет средний вес 18–19 кг, хотя встречаются здоровяки и до 32 кг. При общей длине тела 106 см утверждённые стандарты на конкурсах красоты, если бы таковые в бобровых сообществах имели место, звучали бы так: «16 – 65 – 25» (голова – туловище – хвост). У этих «покорителей подиумов» туловище имеет обтекае-

Бобр.
Экспозиция Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

Композиция «Гигантские бобры» в культурно-туристическом комплексе «Археопарк» (г. Ханты-Мансийск)

мую форму, к хвосту тело расширяется. Своей большой волосатой головой и притупленной лицевой частью бобр похож на Чебурашку, но объявить их родственниками не позволяют уши – у грызуна они непропорционально маленькие. Особыми приметами животного являются парные резцы оранжевого цвета и широкий плоский хвост. Передние конечности у бобра вдвое короче и легче задних, которыми он отталкивается при движении в воде.

Животное имеет бурый цвет, отчего, как полагают лингвисты, и возникло в русском языке слово «бобр». мех его шубы плотный, с очень густой подпушью – 25 тысяч волосков на 1 квадратный см! Из такой шубы за один раз можно вычесать полкилограмма пуха. Шуба для непромокаемости смазана маслянистым веществом. Одно из самых забавных для наблюдателя действий бобра – это чистка и напomaживание зверьком своей шкурки после купания. Влюблённая пара в знак особой нежности может расчесать и почистить шубки друг у друга. При всей своей неуклюжести зверьки умудряются постоянно содержать каждую свою шерстинку в идеальном для «водных процедур» состоянии, поэтому известную русскую поговор-

Я – король грызунов!

«Мы с тобой одной крови – ты и я!»

ку про гуся можно смело перефразировать – «Как с бобра вода».

Видимо, именно склонность этих животных к опрятности и даже щеголеватости стала причиной появления в XIX в. в блатном жаргоне словечка «бобёр» – так называли тогда пижонистых мужчин-модников.

Хотя... Нельзя исключать и другой причины появления этого жаргонизма – пристрастие зажиточного слоя к

бобровым мехам. В одном из вариантов песни «Кирпичики», популярнейшей в среде уголовников эпохи нэпа, есть наводящие на это предположение строки. Среди признаков роскоши жертв гоп-стопников указаны:

А на дамочке шубка беличья,
А на нём – воротник из бобра;
А как вынул он портсигарчик свой –
В ём без малого фунт серебра!

Не только непромокаемой шубой, а ещё многим наградила природа бобра, чтобы он мог комфортно ощущать себя в воде и около воды. Например, он обладает способностью глубоко нырять и находиться под водой 10–15 мин, преодолевая при этом до 700 м. Это чемпионские показатели среди полуводных млекопитающих! Такую возможность предоставляют большие лёгкие и печень бобра,

Чистка и напomaживание зверьком своей шкурки

способные делать необходимые для подводного существования запасы воздуха и артериальной крови.

Губы этих животных устроены так, что они могут грызть подводную часть растений и при этом не захлёбываться.

А если бы бобры участвовали в соревнованиях по синхронному плаванию, им бы не потребовались очки и зажим для носа. Всё это уже «встроено» в этих ихтиандров: очками служит третье (прозрачное) веко, через которые они смотрят под водой, а зажимом – особые мускулы, которые мгновенно запирают их уши и нос при погружении.

На соревнованиях же по подводному плаванию бобрам не пришлось бы тратить на ласты, ибо длина их задней ступни достигает 16 см, а пространство между пальцами перекрыто перепонками.

Однако главным органом волосатых ихтиандров являются их хвосты. Это плоские, безволосые, покрытые многочисленными ороговевшими пластинками, издали напоминающими рыбью чешую, отростки, которые достигают 25–40 см в длину и 12–13 см в ширину. Хвост не только самая приметная часть бобриного тела, но и универсальное средство при движении в воде. Он заменяет множество приспособлений, которые вынужден был изобретать потерявший свой хвост человек. Если зверьку надо погрузиться на дно или всплыть наверх, то хвост – «весло», сделать поворот – «руль», развить хорошую скорость – «ласта». Ежели во время жары необходимо уменьшить температуру тела, то голый хвост – «кондиционер» (он снабжён обильной сетью кровеносных сосудов, которые в жару расширяются, пропускают кровь и охлаждают одетого в тёплую шубу зверька). На лесоповале, когда небольшому в общем-то животному своими коротенькими передними лапками требуется свалить иногда весьма нешуточное дерево, хвост становится мощным «упором-домкратом». Он может даже превратиться в «табурет», на который неутомимый резчик «приседает», пока его челюсти перетирают древесину ствола. А если требуется предупредить сородичей об опасности, то хвост – «сигнальный пистолет»; по крайней мере, сильный удар по воде незначительно отличается от звука выстрела и слышен очень далеко.

Так что зверёк, которого А. Вознесенский не без оснований назвал «усатейшей русалкой», прекрасно приспособлен для полуводного образа жизни. Его среда обитания – это реки, ручьи, пруды, болота. Здесь он чувствует себя гораздо комфортнее и безопаснее, чем на суше. Бобр любит обширные поймы, неторопливые течения, обилие лиственных деревьев и кустарников

Хвост бобра

Удар хвостом по воде – сигнал опасности

Обед бобра

Бобриха с двумя поколениями своих детёнышей

по берегам. Да и как же иначе, если рацион зверька составляют около 300 видов растений?! Крапиву, таволгу, тростник, кувшинки, тонкие ветви тополя, ивы, ольхи, берёзы бобры съедают целиком, на толстых ветках – обгрызают кору, используя «объедки» в качестве строительного материала. Поскольку в холодный период года они не впадают в спячку, «а кушать хочется всегда», то за зиму один взрослый зверёк съедает до 30 кубометров веток, а за год – до 100 кг осиновой коры и около 230 кг болотных трав. На зиму семейство, в зависимости от своей численности, заготавливает от 20–30 до 60–70 кубометров еды.

Бобры не знают «разводов» и «измен», создавая супружескую пару на всю жизнь. При этом жизнь семьи устроена на принципах матриархата, поскольку доминирует в семье самка. Она один раз в год приносит потомство. Сначала – с середины января до конца февраля – прямо подо льдом происходят брачные игры. Потом 105–107 дней будущая мама вынашивает детёнышей. И, наконец, в апреле – мае появляется на свет (точнее – во тьму, ибо происходит это в норе или хатке) следующее поколение этих живот-

ных. В выводке может быть от одного до шести детёнышей весом около 450 г каждый. Как и все дети, они забавные, а как и все бобры, кажутся неуклюжими и медлительными. Но они не беспомощны. Рождённые уже полужрычими, опушёнными и зубастыми, они могут буквально на следующий день броситься в воду и поплыть.

Насчёт «броситься», сказано, наверное, неточно. Бобры-родители очень любят своих чад. У русских В.И. Даль записал даже на этот счёт то ли поговорку, то ли скороговорку: «Все бобры добры до своих бобряток». Например, уходя из жилища, где остаются «малые дети», бобриха для обеспечения их безопасности обязательно закупоривает выход.

Но в мире природы, в отличие от извращённого мира человека, родительская забота понимается в её изначальном смысле – не избавить наследника от превратностей и сложностей жизни, а подготовить к ним, закалить, сделать из него бойца. Поэтому уже через день-два мать выталкивает новорожденных в подводный коридор – «Плыви! Учись! Живи!».

И молоком бобриха балует своих детёнышей только до трёх месяцев. При этом уже в 3–4-недельном возрасте она начинает разнообразить их рацион листьями и мягкими стеблями трав. В два года, оставив родителей и млад-

Бобры. Автор – Н. Беспятых, 9 лет (п. Советский ХМАО – Югры)

Семья бобров. Автор – А. Уразбахтина, 13 лет (г. Лангепас ХМАО – Югры)

Западносибирский речной бобр. Автор – И. Куликов, 12 лет (г. Сургут ХМАО – Югры)

ших братьев и сестёр, новое поколение отправляется в свою самостоятельную жизнь.

В среднем, если повезёт не попасть в острые зубы выдре в детстве или в жадные руки человека позже, бобры живут до 10–17 лет. В неволе этот срок может увеличиться вдвое.

Любопытно, что бобры лишь на первый взгляд кажутся великими коллективистами. На самом деле они – яркие индивидуалисты. Летом, когда в семье появляются дети, супруги нередко «разъезжаются», устраивая себе временное жильё. Что ж, и в мире людей психологи советуют мужу и жене проводить летний отдых раздельно. Осенью бобры собираются все вместе – и отец с матерью, и подростки прошлого года рождения, и «малолетки». В какой-то семье это 6–8 голов, а в какой-то и 14–16.

Каждая семья имеет «индивидуальное жильё»: нору или хатку. И жилище, и кормовой участок вокруг него – «частная собственность». Другие бобры уважительно относятся к этому праву и никогда не нарушают границу. И в гнезде каждый член колонии имеет своё отдельное место. Только стихийные бедствия – обмеление рек и озёр во время летней жары или сильный весенний паводок – могут заставить этих животных на время перейти границы частной собственности и собраться всем вместе.

Работают бобры тоже всегда поодиночке, хотя это может показаться странным – ведь постройки они возводят для общего пользования...

Да, вот и подошёл черёд рассказать о врождённой способности этих животных к «строительному искусству». Это самая впечатляющая их способность, которая уже давно выделила бобра из мира животных и послужила причиной пристального к нему внимания.

Чаще бобры сооружают норы. «Строительной площадкой» в таких случаях служит крепкий обрывистый берег. Роем зверёк передними лапами, а задними (перепончатыми), как совковыми лопатами, откидывает рыхлый грунт назад. Затем он разворачивается в тоннеле и передними лапами выбрасывает землю наружу. Длина таких нор вместе с отборками составляет до 10 м. Её начало располагается на глубине 1–2 м под водой, конец – где-нибудь под корнями большого дерева, где животные сооружают своё жилище. Охотники называют его «бобровой спальней», но это не совсем верно: просторная камера, где запросто могут разместиться двое взрослых людей, служит хозяевам также «гости-

ной» и «столовой». Свои «апартаменты» бобры содержат в образцовом порядке. Например, объедки – толстые обглоданные ветви – они всегда выбрасывают наружу. А земную поверхность над своим жилищем накрывают «саркофагом» – настилают утепляющий слой из веток и земли. Делают они это, чтобы во входном тоннеле не замерзала вода. Не правда ли удобно: совершенно не заметно снаружи, просторное, прочное, тёплое и сухое жильё, всегда доступное хозяину, но неприступное для непрошенного гостя.

А как быть, когда нет в округе высоких берегов или при наводнении жилище оказалось затопленным? И на такие случаи у бобров есть другой вариант жилья, который люди называли хаткой. По-

Осина, сваленная бобром (р. Конда)

Осенние хлопоты. Автор – С. Колосова, 10 лет (г. Сургут ХМАО – Югры)

стройку обычно высотой 1,5 м и диаметром 2,5 м возводят посередине водоёма с медленным течением ночами, скрываясь от посторонних глаз. Для начала заготавливается строительный материал – длинные (до 4 м) и толстые (до 12 см в диаметре) ветки.

Благо «орудия» для этой работы – мощные резцы – в результате длительной эволюции бобры имеют великолепные. Производительность их труда просто потрясающая: осинка толщиной в руку падает через 2–3 минуты. Подсчитано, что ветку толщиной в 2 см «король грызунов» перегрызает в два укуса.

Резцы от таких стахановских темпов, конечно же, очень быстро стачиваются. Но и растут они с меньшей скоростью – почти по миллиметру в сутки.

Способность к «лесоповалу» у бобров врождённая, в возрасте нескольких месяцев они уже успешно занимаются этим непростым делом. Вот

Инженер-строитель. Автор – Д. Атаманенко, 8 лет (г. Когалым ХМАО – Югры)

Бобр у пруда. Автор – Е. Порядина, 9 лет
(г. Когалым ХМАО – Югры)

как описывают это очевидцы: «Бобр охватывает ствол лапами, наклоняет голову и щепку за щепкой выгрызает дерево в форме песочных часов. Время от времени он подтачивает зубы нижней челюсти о зубы верхней. Услышав слабое потрескивание как первый сигнал начинающегося падения дерева, бобр стремительно бросается к треску, то есть в противоположном от места падения дерева направлении. Очень редко бобра придавит деревом». С последним выводом, правда, согласятся не все. Некоторые зоологи, наоборот, считают, что второй причиной смертности бобров после убийства человеком является гибель под подточенными ими деревьями.

Этому грызуну «по зубам» не только молодняк, но и старые деревья диаметром до 1 м и более. По этому поводу нынешние остряки придумали даже чуть агрессивную, но не лишённую юмора фразу: «Съел бобра – спас дерево».

Как у людей-лесозаготовителей за рубкой деревьев следует сплав, так и у бобров очередным этапом работ при строительстве хатки становится доставка по воде заготовленных веток к месту работы. Здесь стройматериал укладывается в конструкцию, напоминающую большую кучу-малу. На первом этапе строительства она часто имеет 1,5 м в высоту и 2,5 м в диаметре. Но домовитые бобры не склонны к переездам и достраивают, перестраивают и ремонтируют свои хоромы не один год. Поэтому многоэтажные «особняки» диаметром до 12 м и высотой над зеркалом воды до 3 м – не редкость в бобрином мире. Вверху этой конструкции и сооружается гнездовая камера. Вход в неё, как и в нору, тоже расположен под водой. Дыры в стенах бобры заделывают камнями и тонкими ветками. Вместо привычного нам цемента они используют ил, мастерски утрамбовывая его подушечками передних лап и подбородком.

Бобровая хатка (р. Конда). 1970 г.

Бобровая хатка

Не заделываются лишь отверстия в куполообразной крыше, выполняющие роль «форточек»: через них выходит пар.

Строят бобры и «каналы», расходящиеся в разные стороны от их хатки наподобие лучиков от солнечного диска на детском рисунке. Зверьки знают, что доставлять тяжёлые ветки – их строительный материал и корм – гораздо легче по воде,

нежели посуху. Поэтому с каждым годом жизни колонии неутомимым строителям и любителям свежей зелени приходится ходить за ветками всё дальше и дальше, отчего число каналов становится всё большим, а их протяжённость всё длиннее. Во всём опрятные и аккуратные, бобры и здесь тоже остаются верными себе: их водные дороги регулярно очищаются от мусора, поддерживаются в порядке.

Однако подлинным шедевром «инженерной мысли» этих прирождённых лесорубов, сплавщиков и строителей являются не норы, не хатки и каналы, а плотины. Да-да, они умеют сооружать и такие объекты, которые принято считать достижениями исключительно человеческого интеллекта! Поскольку вся жизнь этих животных проходит на воде, они просто вынуждены постоянно следить за уровнем воды в «своём» водоёме. А наиболее эффективным инструментом для этого является плотина.

Вот как описывают сооружение плотины зоологи, специально и в течение длительного времени наблюдавшие этот процесс: «При строительстве плотины бобры искусно используют естественные выступы берегов... включая в своё сооружение упавшие деревья и выходы скальных пород. Обычно бобры втыкают в дно водного потока большие

Бобровая плотина (р. Таты-Панден-Яган – бассейн р. Малой Сосьвы). Кон. 1930-х гг.

палки и между ними ветки, которые прилаживают в нужном месте передними лапами и зубами и закрепляют в грунте энергичными движениями головы. Часто плотину дополнительно подпирают поперечинами и рогульками. Большие ветки доставляют по одной, мелкие тащат, собрав в кучки и зажав зубами. Землю и мелкие веточки бобр кладёт кучкой, подсовывает под неё передние лапы, поднимает и несёт, переваливаясь на задних ногах, словно неуклюжий человек. В воде он транспортирует ветки вплавь, прижав их подбородком к груди. Промежутки в плотине этот необыкновенный строитель заполняет ветками и илом до тех пор, пока стенка не перестанет пропускать воду. Подпорная сторона плотины обрывается под водой круто и ровно, обычно перед ней на дне бывает яма, потому что бобры берут здесь ил для укрепления подпорной стенки или же просто взрыхляют грунт задними лапами во время работы, а течение уносит его сквозь щели недостроенной плотины». При строительстве этих сооружений каждый из зверьков переносит своими маленькими лапками десятки тонн «стройматериалов».

Обычная высота плотин не превышает 1,5 м. У берегов они, как правило, ниже из-за расположенных здесь стоков для воды из запруды. Но бывают и подлинные гиганты. Если бы у бобров

существовала своя «Книга рекордов Гиннеса», то там наверняка бы значилась плотина на реке Джефферсон в штате Монтана Соединённых Штатов Америки длиной 652 м, шириной у основания более 7 м и высотой 4,3 м. По ней спокойно проезжает всадник! Это «пирамида Хеопса» бобриного царства. Чтобы возвести такого гиганта некрупным в общем-то зверькам, чьи «орудия труда» – лишь резцы да маленькие лапки, потребовалось, конечно же, очень много времени и сил. Нескольким поколениям неутомимых тружеников – от деда до внука – ежедневно приходилось выходить на строительство.

Но и после возведения плотины работы на ней не прекращаются: нужен постоянный уход и ремонт, контроль за меняющимся уровнем воды. Поэтому в этой работе всегда участвует вся колония бобров – обычно это 10–14 работоспособных её членов. В любое время дня и ночи они бросаются на спасение своей плотины, если вдруг возникает угроза.

Есть и другие достижения «инженерной мысли» бобров – например, «зимний бассейн». Известно, что эти животные зимой не спят. С осени они заготавливают запас веток, которые складывают под водой у норы или хатки либо втыкают в дно водоёма, переплетая в плотную массу. Иногда в подводных кладовых хранятся 80 кубометров веток. Чтобы легко доставать корм, плавать и резвиться, животные после образования льда на

водоёме спускают через плотину часть воды из запруды. Таким образом, между уровнем незамёрзшей воды и нижней кромкой льда возникает воздушное пространство. Оно-то как раз и позволяет бобрам вести привычный им водный образ жизни, отгородившись от суровых морозов и вьюг ледяным панцирем.

Для района обитания бобровой колонии деятельность этих зверьков очень и очень полезна. Своими сооружениями, особенно плотинами, бобры регулируют сток воды: создают искусственные водоёмы, предотвращают наводнения. Разлагающийся в водоёмах ил поглощает кислород, а бобры, выгребая донные отложения на берег, значительно обогащают воду кислородом. А уже это имеет своим следствием обилие в бобровых запрудах рыбы. В этих же местах уменьшается число лиственных деревьев. Результатами неутомимой работы бобров пользуются и их таёжные соседи. Стволы поваленных лиственных деревьев спасают в зимнюю бескормицу лосей, оленей, зайцев. Запруды служат любимым местом гнездования и питания водоплавающих птиц. В брошенных бобровых жилищах с удовольствием селятся лисицы, еноты, барсуки.

Человеку иногда бывают от бобров и неудобства – когда зверьки затопляют сенокосы, дороги, участки леса с деловой древесиной. Но эти потери ничтожно малы и никак не сопоставимы с экологической пользой этих крайне важных для жизни леса обитателей.

Человекоподобность» (**антропоморфизм***) образа жизни «бобров и более всего их способность к сооружению довольно сложных с инженерной точки зрения конструкций уже давно породили у людей мнение о высочайшем интеллекте этих животных, о равновеликой мудрости человека и бобра и даже привели к очеловечиванию и обожествлению последнего. Вспомните восклицание индейского вождя по имени Соколиный Глаз: «Я знал людей, умевших читать и писать, которые были гораздо глупее старого опытного бобра». Здесь Фенимор Купер ничего не выдумал, в уста своего героя он вложил выражение действительного отношения североамериканских индейцев к своим «меньшим братьям».

Впрочем, не только индейцы, но и белые пришельцы в Новый Свет начинали приписывать бобрам истинно человеческие качества при ближайшем знакомстве с ними. Вот как передавал век назад американский писатель-натуралист Чарльз Робертс чувства белого охотника, впервые наблюдавшего бобров за валкой деревьев: «Когда же Джеб увидел, что надрез сделан с одной стороны глубже и ниже, чем с другой, и узнал, что это делается с той целью, чтобы дерево упало в ту сторону, куда желают бобры, он едва не дал опасной для себя клятвы никогда не ставить капканов для бобров. Ему казалось в ту минуту, что это будет равносильно тому, если бы он поставил капкан для своего брата, лесного охотника».

Таким же отношение было и на противоположной стороне планеты – у нас, в Сибири. Здесь тоже искренне полагали, что бобры – это бывшие люди. А как же иначе? Как и люди, они живут довольно долго – до 50 и более лет. Сам образ их жизни – сродни человеческому. Например, они обитают в одной постройке большими семьями, состоящими из родителей и разновозрастных детей. Даже понимают язык людей, что позволяет им подслушивать планы охотников перед промыслом и избегать затем нежелательных для себя встреч в лесу.

Обладание умом, сродни человеческому, и собственным языком позволяет этим животным вести своё сложное хозяйство почти по той же модели, по которой живут люди. Летом бобры заняты артельными работами на сооружении сложных построек для совместного пользования. А долгие зимние вечера коротают за кустарными промыслами – вырезают своими маленькими ножами всяческую домашнюю утварь и детские игрушки. Так люди интерпретировали обнаруживаемые в бобриных хатках фигурные куски дерева, так похожие на топорища, копылья для нарт, заготовки для корзин, веретёна или другие ткацкие принадлежности! В реальности же это были огрызки палочек, на которых грызуны оттачивали свои резцы в период вынужденного зимнего безделья. В своих делах бобры, по мысли людей, всегда отличаются похвальным трудолюбием.

* Значение слов, выделенных жирным шрифтом, дано в «Подсказке по специальным терминам и именам» в конце этой книги.

Даже досуг этих грызунов сродни человеческому. Например, зимой они ходят на лыжах в гости друг к другу, перевоза детей в сплетённых ими корзинках.

Подобные представления долгое время бытовали и у жителей Северной и Центральной Европы – древних германцев, финнов, норвежцев... Авторы средневековых сочинений наделяют бобров многими человеческими качествами: и передвигаются де они на двух ногах, и брёвна переносят по двое на плечах, и занимаются посадками кустарника в предварительно разрыхленную землю... Даже социальная организация этих животных повторяет человеческую: у них существуют рабы для тяжёлой работы и изгои, наказанные за провинность перед общиной.

Считается, что в набор главных «человеческих» качеств, которыми не обладают животные, входят способность смеяться и способность плакать. Про смех в жилищах бобров фольклор умалчивает, а вот про их умение сопровождать слезами свои эмоции историй предостаточно. В одном сюжете «человеческими» слезами плачет последний уцелевший обитатель хатки в предчувствии своей неминуемой гибели, в другом – мать-бобриха, которая везла на салазках своих детей и была настигнута охотником... Даже такой авангардный поэт, как А. Вознесенский, не миновал этой старой как мир темы и написал свой известный «Бобровый плач».

В общем, всё у бобров – как у людей. Следовательно, и относиться к этому зверьку необходимо

Речной бобр. Автор – А. Гудкова, 11 лет (п. Андра Октябрьского р-на ХМАО – Югры)

1692—1695 гг. Из записок российского посла в Китай И. Игаса о территории современной Югры

«**Описание бобров и удивительные, хотя и мало-правдоподобные их дела.** О бобрах, которые водятся в этих местах стадами, рассказывают весьма интересные истории, но они кажутся очень странными и неправдоподобными. Поэтому я считаю, что стоит упомянуть об особенностях бобров, о которых мне рассказали, ручаясь за истинность. Главная пища бобров состоит из рыбы, поэтому держатся бобры по берегам богатых рыбой рек, где ездит и проходит мало людей. Весной они собираются не только парами, но и многочисленными стадами, или колониями, выходят, захватывают таких же, как они, бобров в плен, ведут их в свои норы, где пленники должны служить им в качестве рабов. Они валят зубами целые деревья, тащат их, вырезают из них куски нужной длины и умело прилаживают один к другому в своих жилищах, подобно тому, как делают плотники при изготовлении сундуков. В жилища они сносят свою пищу и складывают заготавливаемые летом запасы всяческого продовольствия. Когда это сделано, наступает время самке родить. Мне рассказали про них также удивительные, совершенно неправдоподобные истории. Говорят, что к этому случаю собираются все бобры-соседи, подпиливают зубами дерево, иногда имеющее локоть в окружности, и валят его, далее отгрызают с комля бревно длиной в две сажени, доставляют его водой к своим норам, поднимают его у входа в нору стояком, так что оно находится на локоть в воде, однако же не касается дна. При этом, как бы быстро ни было течение и как бы сильно ни дул ветер, дерево неподвижно стоит на своём месте. Все это кажется совершенно неправдоподобным, однако сибиряки, которых я расспрашивал, единогласно подтверждают это. Рассказывают и многое другое об этих животных, которые больше похожи на человека, чем на неразумных зверей, о чем я подробно распространяться не буду.

Бобры-рабы. Между тем некоторые приписывают установку дерева перед норой бобров волшебству остяков и других язычников, живущих здесь повсюду.

Как в действительности обстоит дело, знает один Бог. Одно несомненно, что бобры-рабы хорошо известны крестьянам, которые узнают их по чрезмерной худобе и по тёртому в работе волосу.

Охота на бобров. Как русские, так и остяки, выходящие на охоту за бобрами, хорошо знают, что нельзя истреблять целый выводок. Поэтому, когда они бьют или стреляют бобров, всегда оставляют нетронутой пару, самца и самку, чтобы на следующий год можно было на том же месте возобновить охоту».

Избрант И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). – М., 1967. – С. 90–105.

так же, как к человеку, – не оскорблять его ни действием, ни словом, ни мыслью.

Но почему люди стали бобрами? Здесь сибирское устное наследие даёт несколько ответов. По одной версии, «бобры – это бывшие люди, народец или племя, превратившееся в бобров, чтобы скрыться от преследований, или обращённое в наказание». По другой – родоначальницей бобрино-го племени была женщина-пряха. На эту мысль, видимо, натолкнул внешний вид животного: дородная, как у пожилой женщины, расширяющаяся книзу фигура, соски на груди... Даже для хвоста нашлось объяснение – в него якобы превратилась ткацкая доска. В воде же бобры живут, согласно этой версии, оттого, что многочисленные дети плохо относились к своей матери-пряхе, вплоть до того, что отказывали ей в глотке воды, – вот она и превратилась после этого в бобриху.

У хантов есть ещё одна история на эту же тему: в ней бобр выступает уже в качестве культурного героя – этакое «хантыйское Прометей». Наверное, всем известен древнегреческий миф о Прометее – отважном сыне Геи (богини Земли), давшем людям из чувств любви и покровительства огонь и тем самым обрекшем себя на вечные муки. Он давно вошёл в пантеон наиболее известных и любимых героев мировой классической мифологии. Почти не известен, к сожалению, такой же персо-

А. Вознесенский. Бобровый плач

Я на болотной тропе вечерней
встретил бобра. Он заплакал вхлюп.
Ручкой стоп-крана торчал плачевно
красной эмали передний зуб.

Вставши на ласты, наморщась жалко
(у них чешуйчатые хвосты),
хлещет усатейшая русалка.
Ну, пропусти! Ну, пропусти!

(Метод нашли, ревуны коварные.
Стоит затронуть их закуток,
выйдут и плачут пред экскаватором —
экскаваторщик наутёк!

Выйдут семейкой, и лапки сложат,
и заслонят от мотора кров.
«Ваша сила — а наши слёзы.
Рёв — на рёв!»)

В глазках старенького ребёнка
слёзы стоят на моём пути.
Ты что — уличная колонка?
Ну, пропусти, ну, пропусти!

Может, рыдал, что вода уходит?
Может, иное молил спасти?
Может быть, мстил за разор угодий!
Слёзы стоят на моём пути.

Что же коленки мои ослабли?
Не останавливали пока
ни телефонные Ярославны,
ни бесноватые слёзы царька.

Или же заводи и речешник
вышли дорогу не уступить,
вынесли плачущий Образ Пречистый,
чтоб я опомнися, супостат?

Будьте бобры, мои годы и доли,
не для печали, а для борьбы,
встречные плакальщики укора,
будьте бобры, будьте бобры!

Пруд бобра. Автор — Е. Калямшина, 11 лет (г. Когалым ХМАО — Югры)

Непреступаемая для поступи,
непреступаемая стезя,
непреступаемая — о Господи! —
непреступаемая слеза...

Я его крыл. Я дубасил палкой.
Я повернулся назад в сердцах.
Но за спиной моей новый плакал —
непроходимый другой в слезах.

наж хантыйских мифов – смельчак, вознамерившийся выкрасть у верховного божества **Нуми-Торума** солнце. Он хотел, чтоб оно освещало и обогревало его соплеменников зимой так же, как и летом. И за это бог покарал человека – превратил его в бобра, повелел рыть землю и не смотреть никогда на небесное светило. А разум человеческий не отнял. Как же после этого хант сможет не уважать бобра, не быть ему благодарным и не возвести его в ранг своих божеств?!

Так что это животное относилось к числу наиболее почитаемых у многих народов северного полушария планеты, включая, само собой, и сибиряков. Но полному прояснению этой картины в нашем разговоре препятствуют определённые ограничения мировоззренческого порядка.

Одно из них классик мировой этнографии Д.Д. Фрэзер выразил следующим образом: «Нам никогда не удастся до конца встать на точку зрения первобытного человека, увидеть вещи его глазами, наполнить свою душу тем, что волновало его. Поэтому наши теории, относящиеся к первобытному человеку и его взглядам, весьма далеки от достоверности, и самое большее, на что мы в таких вопросах можем рассчитывать, – это разумная доля вероятности».

Помимо этого, есть ещё и проблема реконструкции религиозного миропонимания аборигенного населения Сибири. Ведь сегодня мы сталкиваемся не со стройной, логически безупречной мировоззренческой системой, которая представлена, например, в православии. Мы видим перед собой довольно аморфную массу религиозных представлений, которые, с точки зрения формальной логики, не всегда соответствуют друг другу, а иногда и прямо противоречат. Одной из причин этого стало то обстоятельство, что разные мировоззренческие идеи вошли в духовную культуру коренных сибиряков в разное время и из разных источников. В процессе творческого переосмысления какие-то из них успели концептуально «притереться» друг к другу, какие-то – нет. Позавтракав итальянской пиццей, отобедав сибирскими пельменями и поужинав японским суши, трудно

перед сном определить, какой системы питания ты придерживаешься.

Например, до сих пор в сознании сибиряков-аборигенов можно выделить элементы религиозной системы, зародившейся ещё на заре человеческой истории и называемой в науке **фетишизмом**. Согласно ей, в мире нет противопоставления материального и духовного, и в этом едином пространстве люди занимают своё, равное с другими объектами природы место. В роли посредников между людьми и окружающим миром выступают реальные вещи, которые человеческая фантазия наделила сверхъестественными способностями.

Этот мировоззренческий комплекс, развивавшийся в течение многих и многих тысячелетий, постепенно замещался иным, в основе которого лежало представление о душе – независимом начале всего живого. В науке этот тип первобытных религий получил название **анимизм**. В своём развитии он прошёл два этапа. На раннем в отношении с миром духов мог вступать любой человек; на позднем, когда родились идеи о способности душ и духов существовать вне тела, такое общее стало прерогативой шаманов.

Ещё позже отдельные, наиболее значимые духи стали наделяться уже функциями богов – эта форма религии называется **политеизмом** (многобожием). Общеизвестны пантеон древних греков (Зевс, Афина Паллада, Аполлон и др.) и вдохновленные им высокие образцы европейской культуры и искусства. Но, к огромному сожалению, до сих пор остаются в тени боги сибирских народов, а связанные с ними богатейший фольклор и содержательное изобразительное искусство доступны лишь узкому кругу специалистов.

С появлением христианства в сознании аборигенов стали формироваться и идеи **монотеизма** (единобожия).

И вот теперь элементы всех этих и некоторых других религиозных систем, смешавшись друг с другом, образовали пёструю мировоззренческую картину. Отдельные её части внешне не только противоречивы, но и исключают друг друга – это можно проследить даже на образе бобра, функции

которого кажутся не только многообразными, но где-то и не состыковывающимися. Думается, однако, что все эти противоречия – лишь внешние, мнимые. Просто внутренняя логика мировоззренческих концепций дорусского населения Сибири остаётся за пределами наших знаний, точнее нашего понимания. И здесь вновь уместно вспомнить приведённую чуть ранее мысль Д.Д. Фрэзера о невозможности абсолютно полного понимания современным человеком мировосприятия своего первобытного предка.

Этот небольшой экскурс в теорию первобытного мировоззрения сделан с единственной целью: предупредить читателя, если он недостаточно знаком с этнографией и духовной культурой сибирских аборигенов, о невозможности свести к отдельным чётким образам многозначную и полифункциональную фигуру героя нашего рассказа – бобра. Этот персонаж присутствовал в пантеоне сибиряков с древнейших времён и поэтому не может сейчас не концентрировать в себе все те нестыковки, наслоения и противоречия религиозных систем, речь о которых шла только что.

В **традиционных культурах**, в том числе и у сибирских аборигенов, среди **тотемистических** воззрений едва ли не самым распространённым было убеждение в кровном родстве определённой группы людей (семьи, рода, племени) с каким-то видом животных, птиц, рыб и даже растением, минералом или природным явлением. Об этом хорошо знают те, кто любит читать книги и смотреть фильмы об индейцах. Помните, как гордые воины Ф. Купера с достоинством представлялись: «Я – из рода Бизона» или «Я – из рода Орла».

В силу привлекательности образа, глубоко равнодушного к нему отношения людей, бобр, конечно же, не мог не войти в число **«тотемических родственников»** многих народов мира. Так, половина знаменитого племени индейцев-тлинкитов в числе своих девяти **тотемов**-первопредков почитали и Бобра. Такой же **тотем**, причём с древнейших времён, был распространён и в Сибири. Например, в XVI–XX вв. наибольшей популярностью он пользовался у восточных хантов. По

своей величине род Бобра у них уступал лишь роду Оленя-Лося и занимал земли от среднего и верхнего течения р. Васюгана на востоке через р. Малый Юган и Большой Юган к левобережью р. Демьянки и бассейнам р. Малой Конды и Юконды на западе и р. Пим и Аган на севере. Сейчас даже трудно представить себе, что на обширнейшей территории, равной иному европейскому государству, животное-грызун почиталось на уровне человека, а огромная масса людей со всей серьёзностью признавала его своим прямым предком, связывая с ним благополучие жизни и покровительство высших сил.

Это родство не забыто и ныне. К примеру, известный хантыйский писатель и политик, многолетний председатель Ассамблеи коренных малочисленных народов и заместитель председателя Думы ХМАО – Югры Е.Д. Айпин с гордостью говорит о своей принадлежности к роду Бобра.

На Васюгане идея родства людей с бобрами отразилась в легенде, в соответствии с которой те и другие, будучи единокровниками, появились на этой реке одновременно. И исчезнуть должны тоже вместе. По сюжету, как-то охотник поставил ловушку на последнего оставшегося в живых бобра. Однако ночью он услышал песню животного о том, что со смертью последнего из бобров на Васюгане исчезнут и ханты. И когда наступило утро охотник сломал ловушку! Какое поразительное взаимопонимание человека и животного! И сколько красоты, добра и экологической мудрости в этом незамысловатом, на первый взгляд, сюжете, где народ-автор так доступно показал хрупкость природных связей и высочайшую зависимость от них людей!

Итак, человек и бобр – родственники. И тот, и другой произошли от единого Предка-Бобра. Эта идея должна была найти какое-то звуковое и зрительное выражение, верно? Иначе, как человек мог бы выделить себя и своих сородичей, в том числе и предков, из всей массы людей? А надо отметить, что в традиционных обществах вопросы «я – они», «мой род – чужой род», «мой народ – чужой народ» были вовсе не праздными, а крайне важными. Часто – жизненно важными.

Хантыйские тамги, изображающие бобра. XVII в.

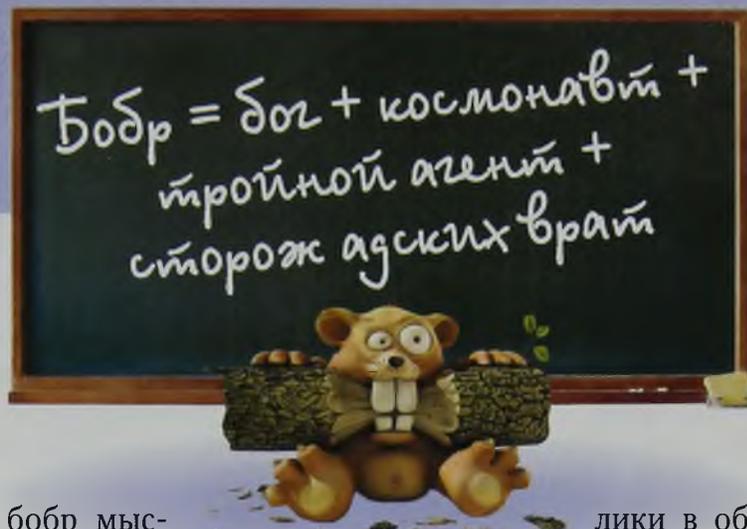
Что же является в наше время знаком рода? Правильно, фамилия. Представляясь «Ивановым», «Кузнецовым» или «Богатырёвым», мы тем самым подчёркиваем свою принадлежность к генеалогической линии – долгой цепочке единокровных родственников. Но не только. Своей фамилией мы, чаще всего, ещё озвучиваем имя или кличку одного из своих предков – затенённых уже тьмой веков Ивана, Кузнеца, Богатыря... Разве по сути это сильно отличается от фразы индейца-ирокеза, ханта или селькупа: «Я – из Боброва рода, мой предок – Бобр»?

Но, кроме звукового оформления, родовая принадлежность должна ещё иметь и визуальное. Сегодня это – автограф, который мы ставим на финансовые, юридические и прочие документы. Подобные «автографы» бытовали и у сибирских аборигенов. Они представляли собою изображение родового **тотема** и в разных языках и наречиях именовались по-разному. Русские назвали эти знаки «**тамгами**» или «знамёнами».

Как и наши нынешние росчерки-автографы, **тамги** ставились на различных документах (договорах, долговых расписках и т. д.), а также как знаки собственности – на вещах (например, на оленях). Впрочем, кое-где **тамги** сохранились и поныне. В 1981 г. в п. Угуте мне самому приходилось видеть, как юганские ханты в графе «Подпись» официальной пенсионной ведомости современной шариковой авторучкой старательно выводили свою многовековую **тамгу** – оленя.

Люди из рода Бобра изображали, конечно же, своего прародителя. **Тамги** с обликом бобра были широко распространены в документах русского делопроизводства Сибири в XVI – нач. XX в. Почти все авторы таких автографов – ханты. Глядя на восьмёркообразные фигурки с растопыренными в разные стороны чёрточками-лапками, изображённые непривычной к перу рукой, не перестаёшь удивляться: настолько точно схвачены и переданы самые характерные черты зверька! Рисунок мгновенно узнаваем – это бобр и никто другой! Такое сочетание скупости выразительных средств с высокой степенью соответствия изображения оригиналу возможно лишь при великолепном знании природы и долгом бытовании этого образа в искусстве и мировоззрении народа. Как каждый из нас в состоянии сегодня несколькими штрихами передать или узнать в наброске другого силуэт самолёта либо вертолёта, так и любой сибирский абориген без труда узнавал и читал **тамги**. Всё дело в том, что эти вроде бы немудрёные значки-закорючки возникли не на пустом месте, а выросли из многотысячелетнего сибирского искусства с оригинальными и прочными изобразительными традициями. Но об этом искусстве и об образе бобра в нём – чуть позже.

Не всегда, однако, бобр мыслился предком так прямолинейно – в образе животного. Иногда эта связь была более сложной.

Обские угры своё главное женское божество называют по-разному: манси – **Калтац-эква**, северные ханты – **Калтац-анки**, васюганские ханты – **Анки-Пугос**... В мировоззрении и реальной жизни этих народов богиня занимает не менее значимое место, чем Дева Мария у христиан. Она устанавливает миропорядок, охраняет домашний очаг, дарует детей, помогает роженицам, излечивает болезни, определяет человеку судьбу и срок жизни... Своим подопечным языческая богиня представляется по-разному: то древней старухой; то молодой красивой женщиной с длинными густыми косами, которые «развеваются как семикратная Обь вместе с устьем, как семикратное море вместе с устьем, из кос расходится дневной свет и в них возникает лунный свет»; то зайчихой; то гусыней; то... бобром.

Представить богиню красивой женщиной совсем нетрудно. Но бобрихой... Нам сегодняшним – детям другой эпохи и иных культур – трудно это сделать. А вот сознание предков обских угров справлялось с этим легко. Фантазийный мир их художников был населён таким многообразием ирреальных персонажей, до которого нынешние творцы «Властелина колец» явно не дотягивают. Один из образцов представлен на этой странице. Можно только восторгаться, как органично и эстетично представлен образ верховной богини, сочетающий в себе округлую фигуру бобрихи с характерными конечностями и «сетчатым» хвостом, человеческую голову и человеческие же

лики в области живота, недвусмысленно указывающие на патронаж богини именно в сфере деторождения.

Такой образ мог возникнуть из представлений о Нижнем мире и отношении (об этом – чуть позже) к этому миру богини. По традиционной космологической модели многих языческих народов, в том числе и сибирских, Вселенная состоит из трёх ярусов-миров: Верхнего – царства солнца, светлых богов и духов; Среднего – обители реально существующих людей; Нижнего – вместилища умерших людей и злых духов. Окружающие человека животные тоже распределяются по этим мирам – согласно данным им природой или человеческой фантазией свойствам и способностям. Поскольку Нижний мир мыслится как подземный и подводный, то бобр, сообразно своим врождённым качествам и образу жизни, как никто другой

Верховная богиня в образе бобрихи. I тыс. Святилище на городище Барсов Городок 1/9

соответствует представлению об обитателе именно этой части Вселенной. Чтобы усилить в своём сознании способности бобра к передвижению в воде, по дну водоёма и даже под землёй, васюганско-ваховские ханты, например, уверовали, будто это животное имеет 47 конечностей, из которых люди могут видеть только четыре. Связь бобра с Нижним миром укрепляется и прочным его отождествлением с предками, души которых продолжают своё инобытие именно в этом Мире.

Впрочем, не только собственные предки, но и целые исчезнувшие (то есть перешедшие в Нижний мир) чужие народы в сознании и фольклоре сибирских этносов прочно увязываются с образом бобра. У селькупов р. Тыма существует цикл преданий о народе квели, у ненцев – о народе сииртя или сихиртя. Первые считаются непревзойдёнными охотниками на бобров; вторые, уйдя под землю, стали обладателями несметных стад этих животных.

А у кетов (енисейских остяков) вид Бобра могла приобретать отвратительная Хосэдэм – самая вредоносная богиня, олицетворение всех сил зла, аналог русской Бабы Яги.

Как олицетворение нижнего яруса мироздания, бобр сообразно этому в большинстве художественных композиций космологическо-

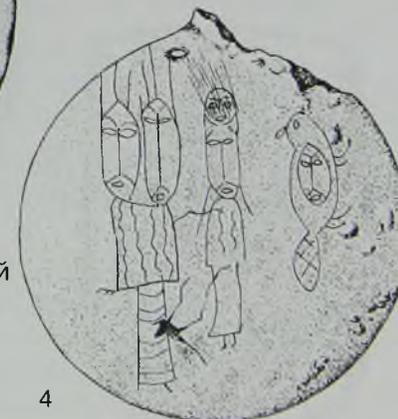

Бобр – священное животное. Автор – С. Захаров, 12 лет (г. Ханты-Мансийск ХМАО – Югры)

между бобрами, стоящими на флангах, изображался ещё и образ человека – фигура или личина.

Трудно, конечно, сейчас извлечь из этих молчаливых холодных посланий прошлого тот смысл, что вкладывался когда-то их творцами. Но не невозможно. Мощный пласт духовной культуры, который существовал у древнего сибирского населения и реализовывался, среди прочего, в изобразительном творчестве (в том числе и в оригинальной художественной **металлопластике**), не исчез к нашим дням бесследно. Его отголоски в форме мифов, преданий, сказок, языческих религиозных представлений, традиционного искусства

дают ключи хоть и к неполному, но всё же понимаю идеи древнего искусства.

Зеркала-диски с гравировкой поверхности. Бронза. II в. до н. э. – II в.

1–4 – случайные находки (р. Ляпин, Северная Сосьва или Казым)

го содержания стал изображаться именно внизу. Иногда его могли поместить и сбоку, но в любом случае это должен быть край рисунка.

Не исключено, что этот же комплекс представлений лежит в основе ещё одной канонической композиции древнего западносибирского искусства. В бронзовой **металлопластике** эпох раннего и развитого Средневековья (сер. I тыс. – нач. II тыс.) нередко встречаются спаренные вертикальные изображения бобров в симметричном положении (такую композицию ещё называют «геральдической», поскольку она канонична для гербов). Иногда композиция этим и ограничена. В иных случаях

Блюде с гравировкой поверхности. Серебро. X–XII вв. Случайная находка (р. Сыня)

Так вот, Нижний мир в те времена представлялся не только обителью мёртвых, но и «космическим женским чревом», «вселенской женской утробой». Почему? Может быть, потому, что, по воззрениям сибирских аборигенов, со смертью человека прекращала существование лишь его телесная оболочка, физическая плоть. Душа же, перейдя в мир мёртвых, продолжала свою жизнь – до тех пор, пока не возродилась в ком-нибудь из младенцев рода. Поэтому Нижний мир мыслился не только убежищем мёртвых, но и «копилкой душ» для будущих потомков, этаким «буфером обмена», куда «души - файлы»

1

2

3

4

6

5

периодически помещаются в ожидании своего очередного возрождения в новой физической оболочке. И при таком положении вещей его аналогия с женщиной-родительницей не представляется нелепой.

Весь этот долгий мировоззренческий экскурс потребовался лишь для того, чтобы представить одну из основополагающих религиозно-мифологических идей древних сибиряков: *уход кого-то*

Геральдические композиции с образами бобров. Бронза. VI–XIII вв. 1 – поселение Шеркалы X (Нижнее Приобье); 2 – случайная находка (Тюменская обл.); 3–6 – место происхождения неизвестно

в Нижний мир есть в то же время гарантия чьего-то будущего рождения, в каждом акте смерти заложена грядущая жизнь.

Физически переход между Средним и Нижним мирами, между обителью живых и небытием мёртвых, между реальным и ирреальным пространствами всегда мыслился как преодоление какой-то преграды. Чаше такой преградой служил мифический водоём. Древним египтянам, отпра-

Геральдические композиции с образами фланкирующих бобров и человека между ними. Бронза. VI–XIII вв. 1 – городище Мурлинское (Прииртышье); 2 – случайная находка (р. Северная Сосьва); 3 – находка у с. Усть-Ишим Омской обл.; 4 – место происхождения неизвестно

ляющим на посмертный суд Осириса, надо было пересечь 12 врат и Огненное озеро, а древним грекам – мифическую реку Стикс, через которую перевозчик Харон переправлял их на лодке. В виде реки представляли страшный рубеж и славяне (например, вологодчане называли её Забыть-река). В холодное царство мёртвых, которое локализовалось далеко на севере, плыли на лодках вниз по Оби и души упокоившихся сибиряков – селькупов, хантов, манси...

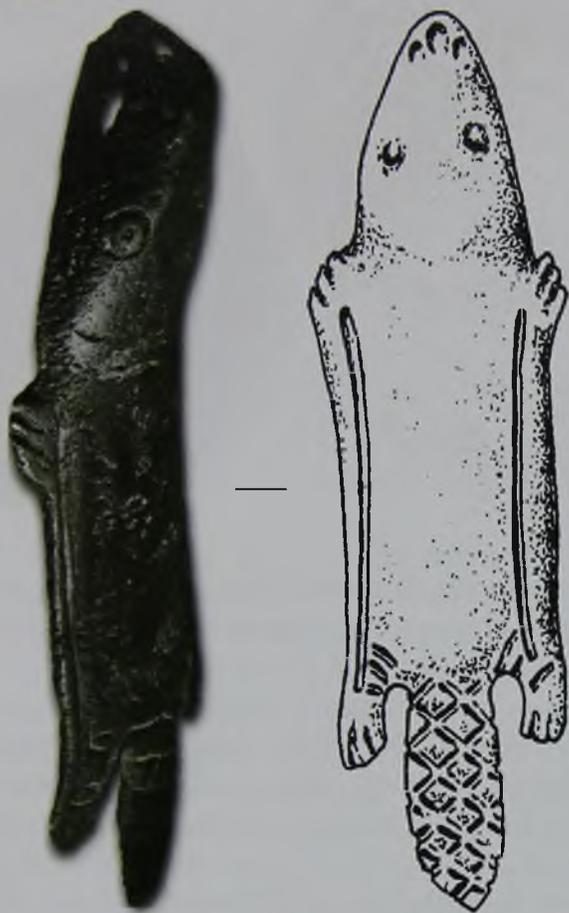
Но не только вода разъединяет (и, одновременно, соединяет) пространства жити и нежити. Есть и другие символы. Например, в угорской мифологии, где распространена вертикальная модель Мироздания, таким коммуникативным каналом служит «космическая дыра». Главное условие – наличие вертикальной ёмкости. Этот канал связи представляется в разных видах – водоворотом на реке или глубоким водоёмом в

низине, трещиной в земле или расщелиной в горе, трухлявым пнём в лесу или трубой чувала в доме... Всего не перечислить.

Если есть граница – должны быть и пограничники, верно? И на эту службу в большинстве мифологий народов мира были призваны обитатели Нижнего мира – лягушки, змеи, черви, жуки, рыбы... У народов северного полушария в этом строю нередко стоят и... бобры. Поэтому композиции с парными образами этих животных, распространённые в художественном творчестве населения Урала и Сибири двух последних тысячелетий (особенно в **металлопластике**), можно рассматривать как аллегория прохода между реальностью и преисподней. В самих грызунах легко увидеть стражей, в узком пространстве между ними – «космическую дыру» между мирами. Иногда в этой «дыре» виднеется образ человека (лик или фигура) – это путник: умерший движется вниз, но-ворожденный, наоборот, наверх.

Геральдическая композиция с образами фланкирующих бобров и хтонического существа между ними. Бронза. II–I вв. до н. э. Место происхождения неизвестно (предположительно, Саровское культовое место в среднем течении р. Оби)

Фигурка бобра. VI–XIII вв. Культовое место Сат-Виклы (р. Кемпаж)

А иногда между двумя хвостатыми «пограничниками» торчит страшная морда выглядывающего из преисподней хтонического чудовища. Такой вот эскиз развёрнутых позже Данте и Босхом наводящих ужас картин Ада.

Стражник может не только стоять у ворот, но и сопровождать пришельца по своей территории. Возможно, именно в качестве проводников для своих умерших сородичи иногда клали в их погребения бронзовые фигурки бобров либо реальные резцы и челюсти этих животных: уходящему в Мир мёртвых требовался опытный поводырь на длинной и опасной дороге.

Стартовой площадкой для проникновения в иномирие служат не только места упокоения умерших, но и святилища. Поэтому стражники-проводники в образе бобров несут свою службу и на этих «са-

Фигурки бобров. Бронза. II в. до н. э. – V в. Случайные находки у с. Хурумпауля (р. Ляпин)

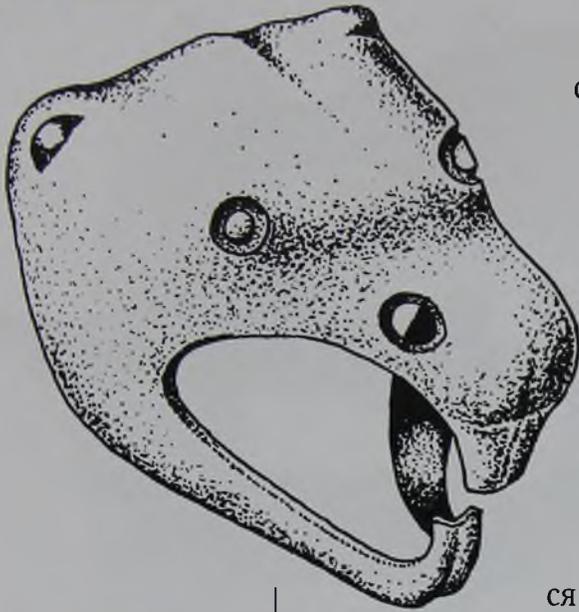
кральных космодромах» тоже. Примером могут служить хотя бы несколько десятков их бронзовых объёмных и плоских скульптурок, найденных новосибирскими этнографами около с. Хурumpaуля на р. Ляпине и приведённых в качестве иллюстраций в нашем рассказе. Они сохранились на территории бывшего святилища, где полторы – две тысячи лет назад люди общались со своими богами и духами, и сверхъестественные существа в обличье бобров активно участвовали в этом процессе.

Место оказалось настолько «намоленным», что и сегодня местные манси приходят сюда поклониться Йипынг-ойке (Филину-старика). А священный образ бобра настолько укоренился в сознании сибиряков, что нынешние ханты и манси не отторгают даже те его **сакральные** воплощения, которые были изготовлены много веков и даже тысячелетий назад. Как христиане с особым трепетом молятся на средневековую икону, так и угры-язычники спокойно вводят в свою современную религиозную практику бронзовые фигурки бобров, если им случайно попадают эти археологические раритеты.

Иногда такие фигурки называют ещё и шаманскими – и это тоже обоснованно. Ведь, помимо усопших, «на тот свет» могут отправиться и некоторые живые – шаманы. И им тоже нужны опытные помощники и проводники. Поэтому изображения бобров не редкость и среди подвесок на шаманских костюмах.

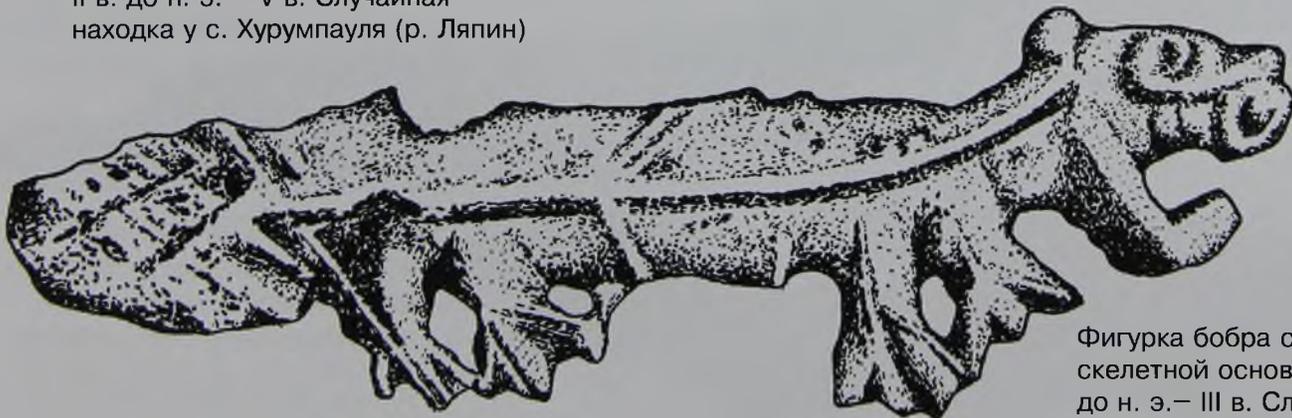
Фигурки бобров раннего железного века, используемые манси в своих сакральных обрядах в наше время. Бронза. II в. до н. э. – V в. Святилище Йипынг-ойки (Филина-старика) у с. Хурumpaуля (р. Ляпин)

Голова бобра. Бронза.
II в. до н. э. – V в. Случайная
находка у с. Хурумпауля (р. Ляпин)

Загадочно-страшным, полным враждебных человеку сил представлялся не только путь вниз, но и сам Нижний мир. Человеческая фантазия населила его, помимо реальных животных, земноводных и рыб, ещё и существами мифическими – «ящерами» и «мамонтами», обваливающими речные берега с человеческими жилищами на них, топящими в омутах лодки с людьми (об этом будет рассказано дальше). Даже бобров – этих спокойных и миролюбивых зверьков – иногда представляли и изображали в угрожающих позах, с оскаленными хищными пастьми. В фольклоре южных хантов на р. Иртыше в XIX в. зафиксирован сюжет, в котором герои при переправе через р. Обь вынуждены пробиваться через стаи враждебных «мамонтов» и «юров» (бобров). Страх перед бобрами, не раз отмеченный в воззрениях сибирских аборигенов, тоже объясняется принадлежностью этих животных к Нижнему миру: на р. Малой Сосьве, например, их укусы считались смертельными.

А теперь есть необходимость вернуться к тому моменту нашего рассказа, где речь шла о тождестве главного женского божества хантов и манси **Калтащ-эква** с образом бобра и её связи с Нижним миром. Чтобы было понятным дальнейшее изложение, необходимо прояснить, что по одной из мифологических версий **Калтащ-эква** – жена верховного божества обских угров **Нуми-Торума**. Как и положено «первым среди равных», эта божественная пара обитала на небесах Верхнего мира, родив там шестерых сыновей и с достоинством исполняя свои высокие полномочия. Но... Вся мировая мифология проникнута темой женского непостоянства – и предания ханты и манси здесь не исключение. **Калтащ-эква** совершила тяжкий грех, изменив

Фигурка бобра с отображением
скелетной основы. Бронза. III в.
до н. э. – III в. Случайная находка
(р. Лозьва)

своему венценосному супругу с его братом – властелином Нижнего мира **Куль-Отыром**. Разгневанный **Нуми-Торум** сбросил неверную жену с небес, и своего седьмого сына **Мир-Сусне-хума**, зачатого в Нижнем мире, она родила во время падения из Верхнего мира в Средний.

Именно этот миф связывает воедино через образ верховной богини все три яруса Мироздания – Нижний, Средний и Верхний. И он становится шифром к прочтению многих, на первых взгляд, малопонятных фольклорно-мифологических сюжетов, художественных композиций и обрядовых действий в **традиционной культуре** коренных сибиряков, если на месте бобра представить верховную богиню.

Например, в прошлом манси обязательно клали в могилу умершей женщины тутчан (меховую сумочку со швейными принадлежностями), но при этом строго следили, чтобы на нём не было изображения бобра. Казалось бы, какая идея могла породить такой запрет? Ведь бобр, как уже говорилось, – обитатель, страж и проводник именно в царстве мёртвых. Единственное разумное объяснение этому – принадлежность предмета именно женщинам. Ведь им покровительствует сама **Калтац-эква**. Разве можно «портрет» небожительницы, «первой леди» обскоугорского пан-

Орнаментальное изображение бобра на меховом тутчане. Манси (р. Ляпин)

теона отправлять в обитель смерти, горя и боли? Конечно, нельзя.

Намёк на небесную «прописку» бобра содержится и в селькупской сказке «Чанкэр»: героя из трудного положения выручает бобровая челюсть, по воле которой на небесах появляется спасительная туча с громом и молнией.

Но более всего с идеей особой чистоты и святости образа бобра, вытекающей, очевидно, из принадлежности его к Верхнему миру, связаны многочисленные обряды с использованием бобровой струи (*castoreum*). Причём они были распространены на всём северном пространстве нашей планеты, независимо от этнической принадлежности, культурной ориентации или религиозных убеждений населения.

Вот характеристика этого вещества из немецкого руководства по практической фармакологии 1938 года издания: «Бобровая струя есть секрет, содержащийся в двух мешочках, связанных с половыми железами самца и самки бобра. Свежее мазеподобное желтоватое содержимое мешочков при высушивании их (в дыму) становится коричневым и твёрдым как камень... Под именем бобровой струи понимается мешочек с содержимым... Сибирская бобровая струя. Малоуплощенный гладкий... мешочек 6–12 см длины, 2,5–6,5 см ширины, 2–4 см толщины и 50–250 г веса. Внешняя оболочка легко поддаётся раскалыванию. Струя имеет своеобразный ароматический запах и неприятный горький вкус... Содержимое мешочка не плавится при 100 градусах».

В природе струёй животные метят границы своих владений. В свежем состоянии эта жидкость имеет ярко-жёлтый цвет и чрезвычайно стойкий запах, напоминающий аромат молодой ивы. Для человека именно она стала со временем самой ценной частью добычи; зачастую именно из-за бобровой струи, а не из-за мяса или шкуры охотник выходил на промысел. Высушенная струя, сохраняющая свой специфический запах, хранилась в шайтанских сундучках

или лабазах вместе с фигурками духов, предков и другими самыми священными предметами. Русское население, тоже активно использовавшее бобровую струю в лечебных целях, хранило её на божницах.

Стоимость струи была необычайно высока, она превышала цену шкурки. В середине 1920-х гг. за её кусочек в 0,1 г (1 миллиграмм!) хант мог отдать 2–3 песа или стадо из 10–15 оленей.

Все путешественники и исследователи Западной Сибири последних трёх веков, оставившие записки, единодушно отмечали огромную роль бобровой струи в жизни местного населения. Один из них всего лишь 70 лет назад писал, что она

1892 г. Манси р. Конгы.

«Бобровая струя (особая железа) у вогулов, остяков и многих других северных инородцев считается имеющей чудодейственную лечебную силу, и, кроме того, она употребляется как очистительное средство для окуривания рожениц, а также при некоторых других обрядах и церемониях. Прежде она ценилась у этих народов на вес золота, но со времени появления в продаже в аптеках этой струи, добываемой из морских бобров, цена на неё до того упала, что промыслы на речных бобров стали невыгодны, так как одна шкурка речного бобра в продаже ценится очень дёшево, и поэтому теперь речные бобры, кое-где уцелевшие ещё от алчности охотников, снова стали мало-помалу распложаться».

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / Предисл. Г.И. Данилиной. – Тюмень: Мандр и К°, 2003. – С. 128–129.

«является для туземного населения Тобольского Севера одним из главных лекарств и неременной принадлежностью при многих ритуалах».

Защищались бобровой струёй по-разному: в качестве целительного снадобья – при борьбе с недугами, как магическое средство – при противодействии враждебным потусторонним силам. Соответственно, разным было и применение.

В первом случае бобровая струя могла употребляться внутрь в виде настоев, растворов или порошка. Говорят, ещё царь Соломон использовал бобровую струю от головных болей. А хантыйские и мансийские женщины восстанавливали ею силы после тяжёлых родов. Мазью или раствором этого вещества обтирали новорожденных... Впрочем, невозможно перечислить все случаи назначения; этим универсальным знахарским «медпрепаратом» лечили буквально всё – вплоть до икоты и чумы. Возможно, в некоторых случаях такие процедуры могли иметь и реальный, материалистически объяснимый целительный эффект, поскольку бобровая струя содержит аспирин – ацетилсалициловую кислоту.

А вот для колдовских целей её нужно было воскурить. Для этого на уголёк клали кусочек бобровой струи или специально приготовленной смеси, рецептура которой была достаточно разнообразной и сложной. Помимо бобровой струи, в этот состав могли входить ивовая, осиновая или черёмуховая губка, кусочки трута, веточки багульника

1890–1903 гг.

«Бывший берёзовский фельдшер Л. Кориков приводит следующие средства, употребляемые в народной вогульской медицине.

...5) Детский понос лечится бобровой струёю».

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. – М.: Либерея, 1995. – Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. – С. 139.

либо можжевельника, обрезки кожи, специальные, в зависимости цели обряда, талисманы. Одноразовая доза воскуривания равнялась двум булавочным головкам. Тлеющая смесь помещалась таким образом, чтобы дым от неё окутывал подлежащий очищению предмет. Нередко это действие проводилось, так сказать, в «профилактических целях» – дабы избежать возможной порчи или сглаза. Но чаще бобровую струю возжигали, когда требовалось уже «оперативное вмешательство» – противодействие злым чарам. А причин для этого в повседневной жизни сибирских аборигенов было предостаточно. Окуривания требовали жилища после выноса покойников; охотники, собаки и снасти перед промыслом; все присутствующие люди и культовые изображения на некоторых религиозных церемониях (например, медвежьих праздниках), жертва перед телепортацией адресату... Под очищающий

Мешочки с бобровой струёй в процессе сушки и в высушенном виде

Современные парфюмерные и фармацевтические препараты на основе бобровой струи (castoreum)

1862 г.

«При родах остячка переходит в особую юрту и живёт в ней пять недель. Потом разводит огонь и, бросивши в него бобровой струи, трижды перескакивает для очищения, окуривается и тогда уже возвращается к мужу».

Завалишин И.И. Описание Западной Сибири / Предисл. Ю.Л. Мандрики. – Тюмень: Мандр и К^а, 2005. – С. 283.

дым вставал уходивший надолго из дому или возвратившийся из дальних походов, а также любой, кто желал снять с себя свои грехи или чужие чары. Через него заставляли перешагивать больных людей, «порченных» оленей и собак...

И в этих обрядах заметна связь бобра с женским началом (вспомним бобриную ипостась **Калтац-эквы**, олицетворение бобром Нижнего мира и «космического женского чрева»). Очищение бобровой струёй тоже активнее практиковали женщины: при беременности, до и после родов, во время болезней и ежемесячных недомоганий... Даже те случаи, когда спасительный фимиам воскурляли мужчины, чаще были связаны с женщинами. Если женщина задевала или перешагивала запретные для неё предметы (например, орудия промысла или некоторые атрибуты священнодействий), их требовалось очистить. Если женщина оказывалась в жилище выше головы мужчины (предположим, лежавшего на полу), постройку окуривали. Если женщина или хотя бы её одежда находились на возвышении – дереве, крыше, – а ниже проходил мужчина, он должен был вставать под дым бобровой струи.

Свободное проникновение бобра как к благонесущим небожителям, так и к агрессивным обитателям Преисподней; приписывание его обличья своим предкам и наиглавнейшей верховной богине – вообще значительнейшая роль образа в представлениях древних сибиряков о сотворении и развитии Космоса – сформировали ряд идей о благотворном влиянии животного на жизнь людей.

Это видно хотя бы по только что описанным обрядам с применением бобровой струи. Образ бобра-защитника, бобра-помощника нередок в песнях, поговорках, пословицах, сказках, преданиях приобских аборигенов, особенно ханты и манси.

Функциями защитника (оберега) наделялся не только сам бобр, но и его отдельные части. Например, резцы, челюсти – наиболее заметная его физиономическая деталь. В нашем рассказе уже упоминалась селькупская сказка «Чанкэр», где герою спасла именно бобровая челюсть. В погребения Западной Сибири, начиная с неолитического (новокаменного) времени, то есть с IV тыс. до н. э., клались тоже не любые части скелета этого животного, а почти исключительно челюсти, резцы и, реже, зубы. Некоторые из них в качестве амулетов-оберегов нашивали на одежду (часто – на пояс) или просверливали и носили как подвески.

Мужчина в касторовом цилиндре. 1895 г.

Чудодейственной представлялась и шкура бобра. Кеты и обские угры во избежание действий злых сил обшивали ею фигурки своих духов. У манси есть легенда, где одержать победу герою помогают волшебные свойства его бобровой шапки. Кстати, подобные верования существовали у многих народов. Например, в монгольском фольклоре есть сюжет, по которому дух пытается напасть на спящего в бобровой шапке человека, но безуспешно. «Я ничего не мог сделать, у него слишком сильная охрана..., – объяснял он позже, – его голову охраняет бобр, который оскалил на меня зубы». У неимущих хантов за отсутствием бобровой струи в качестве исключения допускалось очищающее окуривание дымом от сжигания кусочка шкурки этого грызуна.

Да что там языческая Сибирь, коль даже в христианской Европе – и на католическом Западе, и на православном Востоке – вера в защитные силы бо-

бра была распространена ничуть не меньше?! Там в XVII в. вышло несколько книг с рецептами снадобий и лекарств из желез, крови, шерсти, зубов, когтей, кожи, жира, хвоста и других частей этого животного. Это в то время, когда было открыта система кровообращения, изобретён стеклянный термометр, формировались основы современной клинической медицины... Даже в XIX в. в Европе для защиты от сглаза и «быстрого прорезывания зубов» детям рядом с христианским крестом вешали бобровые резцы. А касторовая шляпа или цилиндр из тончайшего фетра, приготовленного из вычесанного пуха бобра (лат. *castor* – «бобр»), рассматривалась европейцами тех времён не только символом респектабельности и высокого социального статуса, но и прекрасным механизмом для развития... умственных способностей. Есть желание поумнеть – надевай головной убор из пуха бобра!

Несколько отдельно в религиозных представлениях об охранительной роли бобра находятся воззрения и обусловленные ими обряды охотничьей магии. Охотники-аборигены убеждены, что при исполнении ими некоторых магических действий удача в промысле будет обеспечена. Для этого существуют несколько приёмов.

Один из них – это всякого рода запреты и прочие меры предосторожности при организации и проведении охоты. Так, перед выходом на промысел нельзя говорить об этом, а по его окончании хвастаться добычей – бобры могут услышать и наказать неудачей. Во избежание таких последствий в языках сибирских аборигенов для животных, отмеченных высоким священным статусом, в том числе и для бобров, существуют двойные наименования – иносказательные и прямые. В качестве первого, к примеру, у ханты есть слово инк-вой, у манси – вит-уй. Оба переводятся одинаково – «водяной зверь». Так положено называть бобра при религиозных обрядах, во время рассказа священных преданий и в других случаях, когда истинное значение этих слов понятно посвящённым, но недоступно посторонним – в том числе враждебным духам, самим бобрам и т.д. Для прямого же обозначения животного в лексике хантыйского языка есть слово мах, мансийского – хундэль.

Ещё одним приёмом охотничьей магии является колдовство перед промыслом. Некоторые из этих обрядов связаны с бобрами – например, очищение бобровой струёй охотников, собак и инвентаря перед выходом в тайгу, о чём уже рассказывалось.

Из других обрядов рельефно вырисовывается роль бобра как подателя охотничьей удачи. Очень ярким примером здесь может служить обычай васюганских ханты нашивать на шкуру бобра кусочки ткани, соответствующие цвету шкурок желаемых промысловых животных. Такое действие должно было на грядущем промысле магически подвести намеченные жертвы под выстрелы или в ловушки охотника.

Для стимулирования бобра к исполнению этой же сверхъестественной роли охотники широко использовали всевозможные амулеты с его изображением. У манси р. Ляпина в XIX в. отмечен кусочек яшмовидного камня с процарапанным контуром бобра, у ханты и манси до сих пор бытуют его металлические фигурки. По признанию хозяев, эти предметы – покровители охоты. Некоторые археологи высказывают мнение, что бронзовые изображения бобров III в. до н. э. – X в., часть из которых приведена на публикуемых здесь иллюстрациях, тоже могли быть в древности охотничьими амулетами.

Бобр почитался и за хранителя охотничьей этики, строгого судью нарушителей запретов. В условиях охотничье-рыболовческой ориентации хозяйства приобского населения, когда не только благополучие, но нередко и жизнь людей зависели от количества и качества добычи, следование принятым нормам организации и проведения промысла было безукоснительным. У манси записана легенда о наказании охотника, нарушившего согласованные сроки начала промысла, именно во время добычи бобров.

Многие магические воззрения и вызванные ими к жизни охотничьи обряды трудно сейчас интерпретировать однозначно, поскольку они весьма близки с **тотемическими** идеями и обрядами умножения. Теперь можно лишь догадываться, в каких случаях «Бобр – первопредок – податель жизни» и «Бобр – защитник – покровитель охоты» мыслились в одном лице, а в каких – выступали индивидуально.

Нет возможности однозначно понять и много раз отмеченные у дорусского населения обряды принесения бобров в жертву. На раскопанных археологами культовых местах (Усть-Полуйском в Нижнем Приобье, Карбинском в Прикетье и др.) среди костей некогда принесённых в жертву животных изрядную долю составляют останки бобров. Нельзя даже исключать, что в те времена жертвенная роль этого животного была главенствующей. И лишь позже – с развитием обменно-торговых процессов, насильственным введением **ясака** и ростом спроса на бобровую струю – этих животных стали добывать не для жертвоприношения на святилищах, а для решения материальных проблем. На мысль об этом наталкивает возрастной анализ обнаруживаемой археологами палеофауны: кости по преимуществу

принадлежат молодым неполовозрелым особям, не способным дать людям ни качественный мех, ни бобровую струю. Из этого следует, что очистительные обряды с применением этой самой струи получили широкое распространение достаточно поздно – вряд ли ранее Средневековья.

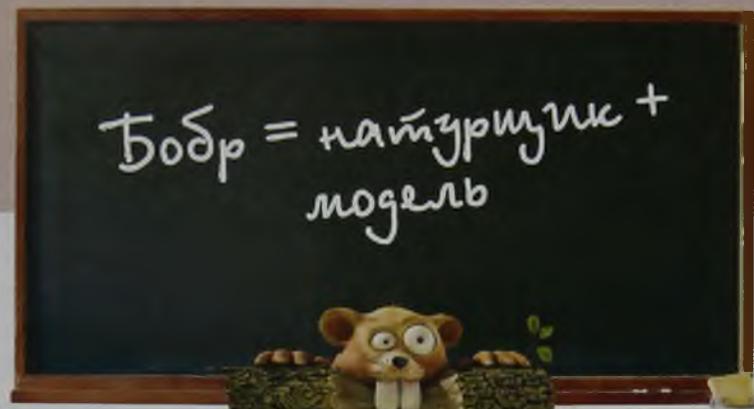
Шкура животного тоже была желанной для духов жертвой. Её часто приносили «в приклад шайтану», как писали путешественники прошлого. Из неё же шили иногда одежды для этих духов, которые, наверное, тоже можно рассматривать в качестве жертвы-дара. К числу священных подношений относились также черепа и половинки нижних челюстей бобров. Может быть, жертвами, заменяющими при определённых условиях настоящую тушку или шкуру бобра, являлись и бронзовые его изображения. Археологи до сих пор спорят о назначении этих художественных поделок.

Не могла не почитаться и самая заметная часть бобра – чешуйчатый хвост, а также его лапы, которых, как уже говорилось, васюганские ханты считывали ни много, ни мало, а 47. Известный натуралист и путешественник, первый исследователь западносибирских бобров И.С. Поляков сокрушался, что среди купленных им в 1876 г. в с. Шеркалинском для Зоологического музея Российской академии наук пяти бобровых шкур не оказалось ни одной с сохранившимися лапами и хвостом. Да и как же могло быть иначе, если, например, мансийским населением рек Конды и Малой Сосьвы чешуя и хрящи бобриного хвоста почитались за радикальнейшее лечебное средство?! Для этого их нужно было лишь высушить, растолочь в порошок и развести в молоке. За высушенным целиком хвостом, по некоторым данным, признавались свойства уже магического характера.

Западносибирский речной бобр. Автор – А. Шумилова, 12 лет (п. Горноправдинск Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры)

Естественно, столь высокое положение бобра в мировоззрении, духовной культуре и повседневной жизни сибирских аборигенов не могло не отразиться в их художественном творчестве, а особый **сакральный** статус резцов, хвоста и лап животного – на решении его образа.

По неясным пока причинам бобр, по сравнению, например, с медведем, лосем или водоплавающими птицами, стал объектом изобразительного искусства довольно поздно. Это произошло лишь в раннем железном веке (сер. I тыс. до н. э.), но сразу и надолго: вот уже 2,5 тыс. лет образ бобра в западносибирском художественном творчестве – один из самых популярных.

Изображался он как индивидуально, так и в композициях с другими персонажами – людьми, животными, даже насекомыми...

Воспроизводился этот образ во всех освоенных сибиряками видах изобразительного творчества – графике, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве.

Фигурка бобра.
Ракурс – снизу.
Бронза. I тыс.
Городище Ус-Нёл
(р. Ялбынья)

Фигурка бобра.
Ракурс – снизу.
Бронза. I тыс. Место
происхождения
неизвестно

Графика представлена гравировкой по металлу, рисунками на камне (петроглифами) и на бумаге, орнаментом на бересте, дереве.

Скульптура выражена почти исключительно **металлопластикой**, широко распространённой в культурах Урала и Западной Сибири с сер. I тыс. до н. э. по сер. II тыс. Надо полагать, существовали, как и в других регионах Азии (например, в Туве), также и деревянные объёмные изображения животного, не сохранившиеся до наших дней.

Фигурки бобров.
Ракурс – снизу.
Бронза. I тыс. Место
происхождения
неизвестно

Во всех сюжетах и композициях фигура бобра представлена в трёх ракурсах – со стороны живота (проекция снизу), в профиль (проекция сбоку) и со стороны спины (проекция сверху). Вряд ли такой выбор был случайным или определялся исключительно вкусом и желанием древнего художника. Скорее всего, в каждом конкретном случае изображался не абстрактный бобр, а конкретное воплощение этого животного в определённом месте и в определённых обстоятельствах. Мы, не

Композиция из трёх фигур бобров. Ракурс – снизу. Бронза. I тыс. Случайная находка (ХМАО – Югра)

владеющие сегодня теми знаниями, не в состоянии узнать, кого именно изобразил художник – для нас это «просто бобр». Но этих героев прекрасно узнавали современники. И для того они должны были иметь отличительные признаки.

Поскольку, как уже было сказано чуть раньше, бобр имеет поистине «вселенскую прописку», то, соответственно, и изображался он в зависимости от своего местонахождения относительно человека. Ведь он мог обретаться на небесах, жить рядом и существовать внизу, в обители мёртвых.

Как мы наблюдаем летящих в поднебесье птиц? Правильно, при взгляде снизу вверх люди видят только их животы и внутренние поверхности крыльев. Так же в прошлом представлялись и божеества Верхнего мира в образе бобров – со стороны живота и чешуйчатого хвоста. Так изображались и одиночные образы бобров, и парные, и сгруппированные по три (как в последнем случае не

Парные фигурки бобров. Ракурс – в профиль. Бронза. I тыс. Место происхождения неизвестно

вспомнить Святую Троицу, характерную для многих религий?).

А вот животного, обжившего один с человеком средний этаж мироздания, можно было видеть со стороны. Он и изображался соответственно – в профиль. Такие скульптурки фиксируют шагающих или плывущих бобров как в одиночку, так и в паре.

Совсем иначе видел человек из Среднего мира бобра (или мифологического героя в обличье бобра), находящегося в закоулках Нижнего мира, – так, как мы могли бы наблюдать с высокого берега его, плывущего внизу. В этом случае видны только голова с ушами, спина, откинутый назад хвост и раздвинутые либо прижатые к туловищу лапы (возможно, в таком виде переданы разные фазы движения животного в воде). Последний ракурс был очень популярен при передаче образа «короля грызунов».

В этом случае животное тоже изображалось либо изолированно (в одиночку), либо – в группе (чаще – парой, но есть и намного больше – до восьми особей).

Главное, что бросается в глаза в групповых изображениях независимо от ракурса их представления, – это симметричность композиции, подчеркнута одинаковое оформление фигур, тесное их расположение одна подле другой, ориентация всех фигур композиции в одну сторону. Складывается впечатление, что автор специально применил такой художественный приём с целью акцентировать внимание на сплоченности бобровой семьи, способности этих животных к коллективному труду, единству их устремлений.

Парные фигурки бобров. Ракурс – снизу. Бронза. I тыс. Городище Ус-Нёл (р. Ялбынья)

Парные фигурки бобров. Ракурс – сверху. Бронза. III до н. э. – I в. Городище Няксимволь 1 (р. Северная Сосьва)

Конечно, сейчас невозможно точно понять то содержание, которое вкладывал в эти композиции древний художник. Но так хочется увидеть здесь идиллическую и полную экологической толерантности картинку: вот на закате солнца после наполненного делами и заботами дня семья этих работающих и умных животных неторопливо рядышком плывёт на отдых в свою хатку...

Ещё одну большую группу изображений бобров представляют объёмные полые изображения их голов, отлитые из бронзы. Самая многочисленная коллекция таких находок была обнаружена около мансийского с. Хурумпауль на р. Ляпине. Вполне возможно, эти поделки не имели самостоятельного значения, а были лишь частью комбинированной скульптуры животного с туловищем из дерева или другого органического материала и головой из металла.

Композиция из восьми фигур бобров. Ракурс – сверху. Бронза. I тыс. Место происхождения неизвестно

Композиция из трёх фигур бобров. Ракурс – сверху. Бронза. I тыс. Место происхождения неизвестно

Парные фигурки бобров. Ракурс – сверху. Бронза. I тыс. Место происхождения неизвестно

Эти изделия, выполненные в технике полого объёма, являются исключением. Все остальные бронзовые фигурки бобров отлиты в плоских формах. Те из них, что были изготовлены в период раннего железного века на рубеже эр, имеют грубый неряшливый вид: остатки литейных швов и закраин, производственные дефекты (в виде недолива металла, деформации и пр.), отсутствие облагораживающей подработки... В Средневековье, с VI в. внешний вид этих изделий заметно улучшился. Без сомнения, причиной этого стало усовершенствование методов обработки металла. Но не только. Изменилось, видимо, и назначение этих изображений: наряду с культовыми функциями они стали выполнять и декоративные, использоваться в качестве украшений.

В стилистике образа бобра западносибирской **металлопластики** соседствуют два набора признаков. Один из них обусловлен биологическими особенностями прообраза, индивидуальными особенностями внешнего вида животного: узким чешуйчатым хвостом, маленькими лапками, массивной головой. Другой – некоторыми художественно-эстетическими признаками традиционного западносибирского искус-

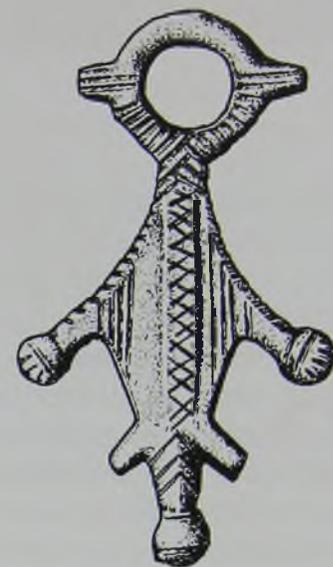
Головы бобров. Бронза. II в. до н. э. – V в.
Случайные находки у с. Хурумпауля (р. Ляпин)

ства: сочетанием реализма и схематизма в передаче образа, скупостью и в то же время яркостью выразительных средств.

И в результате в изобразительном искусстве Западной Сибири с сер. I тыс. до н. э. по сер. II тыс. сформировался и существовал устойчивый образ бобра. В целом для него характерна стилизация: схематичное туловище (внутри которого в так называемом рентгеновском стиле иногда переданы детали скелета – рёбра, позвоночник), недетализированная большая голова... Однако отдельные части животного, которые, как уже отмечалось, наделялись особыми магическими или целебными свойствами, изображались в натуральном (иногда даже в гипертрофированном) виде. Это могли быть резцы и зубы, мощные (нередко трёхпалые) лапы. Однако чаще внимание акцентировалось на лопатообразном широком хвосте с решетчатой насечкой. Последний признак и для художника, и для зрителя был маркирующим: есть у аморфной неузнаваемой фигуры плоский в клеточку хвост – не сомневайся, что это бобр. Сформировавшаяся в течение двух с лишним тысяч лет изобразительная манера в передаче образа была настолько яркой, что позволяет узнавать бобра не только в художественной **металлопластике**, но и в сформировавшихся на её основе некоторых типах украшений, где схематизм и условность **зооморфного** прообраза доведены до абсолюта.

В декоративно-прикладном искусстве хантов и манси образ бобра занял своё место среди орнаментальных мотивов.

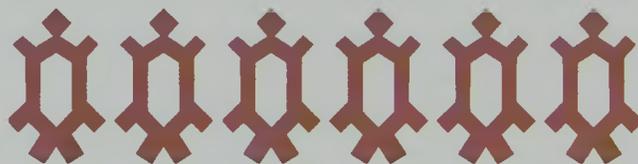
Украшение: подвеска в виде схематичной фигуры бобра. Бронза. XVII–XIX вв. Нёготский могильник (р. Тым)

Орнаментальный элемент («Бобр»). Манси

Орнамент «След бобра с выделением одной ноги». Манси

Орнаментальный элемент «Бобр». Ханты (р. Казым)

А теперь вернёмся к началу нашего рассказа и попытаемся вспомнить: много ли у бобров врагов в лесу? Учитывая их недюжинные физические возможности, прекрасные слух и обоняние, постоянную осторожность, приходится признать, что наши герои по зубам очень и очень немногим. Только волку, рыси, росомaxe да медведю под силу пожить-ся бобром. Но и то лишь при условии их встречи на суше. В воде же бобры практически неуязвимы. Конечно, речь идёт о взрослых животных, неопытные и слабые бобрята попадают иногда на обед и выдре, и старой замшелой щуке.

Но главная защита бобров – их норы и хатки. «Мой дом – моя крепость», – с гордостью мог бы сказать любой бобр. Хитроумная система входов-выходов, усиленный потолок и крепкие стены делают хозяев неуязвимыми даже для медведя – самого сильного обитателя тайги. Зимние морозы увеличивают прочность таких «крепостей» многократно. Вот как красочно описывает ситуации вокруг бобровых хаток уже упоминавшийся в нашем рассказе Ч. Робертс: «Голодные рыси, лисицы и другие животные рыскали всюду... Все они не прочь были отведать тёплого и жирного бобрового мяса и все прекрасно знали, что находится под этими покрытыми снегом холмиками. Искусные строители оставили в крыше каждого домика несколько небольших отверстий для вентиляции; тёплый воздух, проходящий через них, пробуравил несколько отдушин в снегу. Сюда, мучимые голодом, пробирались от времени до времени рыси, лисицы и с жадностью вдыхали аппетитный запах, выходящий оттуда. Доведённые голодом

до отчаяния, принимались они рыть снег, пока не показывалась окаменелая крыша дома. С бешенством царапали и рвали они эту крышу, но всё было напрасно! Ничем, кроме мотыги, не разбить этой каменной преграды. Бобры прекрасно слышали, когда делался приступ на их стены, но спокойно продолжали глотать берёзовые ветки, сидя в своём тёплом и безопасном убежище».

Единственный враг бобра – человек. Враг агрессивный, алчный и давний. Ему нужна шкура животного – тёплая и дорогая пушнина. Ему нужна шерсть – вычесанный мягкий подшерсток (кастор). Ему нужно тело – вкусное и полезное мясо. Ему нужны «бобровая струя», клыки, зубы... Чтобы всё это забрать, нужно убить бобра.

И сделать это совсем нетрудно. Во-первых, за ним не надо было устраивать длительные погони, как за лосем или оленем. Своими «строительными шедеврами», хорошо заметными на водоёмах, бобры сами обозначали своё местопребывание – приходи и бей! Во-вторых, выманить зверьков из убежища – тоже простая задача. Охотники научились в своих целях использовать «рефлекс ремонта» этих хвостатых зодчих. Достаточно было нанести урон бобриной плотине, как чуткие хозяева тут же бросались на её восстановление. И попадали под удар человека-убийцы.

Среди традиционных способов охотничьего промысла бобров была установка плетёных ловушек наподобие рыболовных, которые маскировали около хаток или на кормовых площадках. Недюжинное терпение требовалось тому, кто оставался верным древнейшей форме охоты на

бобра с копьём и устраивал засидку в ожидании животного, плывущего домой на плоту из веток для строительства или пропитания. Этот охотничий приём каменного века использовался манси ещё столетие назад.

Русские промысловики с их технически более развитой культурой не внесли кардинальных изменений в бобровую охоту. Пожалуй, самыми заметными новшествами стали использование капканов вместо плетёных ловушек да варварское применение яда (стрихнина). Ружьём настоящие промысловики старались не пользоваться, поскольку раненый бобр быстро тонет, а многие ли способны поражать цель наповал с первого выстрела? Во избежание таких потерь ханты и манси продолжали использовать свои луки. Но применяли проверенную хитрость – привязывали к стреле длинную бечёвку. Цель была той же, что и у китобоев, которые, как известно, привязывают свой гарпун – даже утонувший подранок становился охотничьим трофеем.

История неравноправных взаимоотношений человека и бобра насчитывает не один десяток тысячелетий. Когда же она началась? Устная традиция не в состоянии ответить на этот вопрос. В легендах, сказках, исторических преданиях сибирских аборигенов нередки сцены охоты на бобров, но фольклор, к сожалению, не имеет временной привязки, и датировка событий укладывается в пределы от «давно» до «очень давно».

Более продуктивным оказывается обращение к археологическим источникам. Ведь при раскопках древних поселений и могильников археологи, наряду с предметами, сотворёнными руками человека, обнаруживают немало других находок – остатков человеческой жизнедеятельности. Например, костей когда-то убитых и разделанных людьми животных.

Похоже, что уже в каменном веке сибиряки освоили самый простой способ охоты на бобра. Иначе как ещё можно объяснить наличие костей этого грызуна среди материалов археологических раскопок на поселении Черноозерье II, остав-

ленном на иртышских берегах охотниками конца каменного века (около 14–15 тыс. лет назад)? Можно рассчитывать, что подобные находки со временем появятся и в более древних археологических объектах.

В новокаменном (неолите) и бронзовом веках (с IV тыс. до н. э. до сер. I тыс. до н. э.) во всей Северной Евразии бобр опромышлялся более-менее равномерно – его кости встречаются и в могильниках, и в поселениях этого времени по всему региону. А где-то он уже превратился в один из главных объектов охоты. По крайней мере, археологи утверждают это относительно бассейна р. Конды, на сегодняшний день изученного ими лучше, чем другие югорские территории: «Крупные копытные были основным объектом охоты и населения бассейна Конды эпохи позднего энеолита – бронзы. На втором месте шёл бобр, а затем – другие мелкие пушные звери и птицы».

С началом железного века и вплоть до Средневековья (с V в. до н. э. по V в.) заметна интенсификация бобрового промысла, как, впрочем, и пушной охоты в целом. В материалах большинства **археологических памятников** этого времени на территории Западной Сибири имеются фаунистические остатки бобра: на городищах Усть-Полуй (Нижняя Обь), Старые Покачи 5 (р. Аган), Кондрашкина Акка I (р. Тым), Карбинское I (р. Кеть), Саровское (Средняя Обь), Большой Лог (р. Иртыш), Дубровинский Борок III и Усть-Ирмень (Верхняя Обь); в могильниках Каменный Мыс (Верхняя Обь), Новочекино II (Барабинская низменность) и др.

Причём в некоторых случаях можно утверждать преимущественную ориентацию охоты именно на бобра. Например, 24 % костей с городища Кондрашкина Акка I (примерно III в. до н. э. – III в.) принадлежат именно этому животному. На одновременном Карбинском городище I, что расположено на р. Кети, этот процент ещё выше – 40. Древние жители этой крепости бобра добывали больше, чем медведя, волка, лисицы, белки и куницы, вместе взятых! Очевидно, в это время уси-

лились обменно-торговые отношения между населением Северо-Западной Сибири и его южными соседями. Пушнина, в том числе и бобровая, всегда ценилась очень высоко и составляла самую доходную статью сибирского экспорта. Возможно, немаловажную роль в интенсификации бобрового промысла сыграло и усиление **сакрального** значения этого животного; его активно стали использовать в священных ритуалах. Не зря этим же временем датируется и появление, причём сразу в массовом количестве, бронзовых изображений бобра явно культового назначения.

Позже, начиная примерно с сер. I тыс., по не совсем пока ясным причинам, похоже, бобровый промысел несколько сократился. Но, по историческим меркам, ненадолго. Уже через 8–10 веков с возрастанием международных связей, расширением торговли, а позже — с обложением местного населения **ясаком** снова началось истребление бобра.

Высокая ценность сибирских бобров для российской казны (а значит, и для российской государственности) была обозначена присутствием этого животного на гербах некоторых местных городов. Например — Тюмени.

А вот с гербом Иркутска случился курьёз. Фаунистической достопримечательностью восточносибирских земель являлся уссурийский тигр — по-местному, бабр. Вот и решили российские власти поместить на герб Иркутска тигра (то бишь бабра) с соболем во рту. Да ошибочка вышла. Писец Сената, не знакомый с сибирскими говорами, в указе от 1787 г., естественно,

Фигурка бобра с отображением скелетной основы. Бронза. III в. до н. э. — III в. Городище Кондрашкина Акка I (р. Тым)

Бобр на гербе Тюмени

1740 г.

«16-го [мая] мой хозяин Михайло Потопкин рассказал мне нечто весьма любопытное о живущих в этих местах бобрах. Дело в том, что они любят селиться по берегам рек и строят свои жилища, соединяя их меж собой потайными подземными ходами-галереями... Причём, утверждает он, всё это строят «обыкновенные» бобры для бобров, занимающих более высокое положение; что в их республике существуют аванпосты, охраняемые сменяющими друг друга скрытными часовыми. Здешные бобры не уступают ни по части хитрости, ни в сметливости канадским, которые, по своим американским обычаям, сооружают плотины из стволов деревьев поперёк рек. Я видел их жилища, которые здесь называются «норами» в верстах 25 на восток от Берёзова или за рекой Сосьвой... и обнаружил с помощью остяков четыре хода-галереи. Собаки остяков хорошо умеют их выследивать, но бобры — животные столь сметливые, что при малейшей опасности они сразу убегают и бросаются в воду, если рядом есть река, и таким образом спасаются от собак».

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Берёзов в 1740 г.: Дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. — СПб.: Историческая иллюстрация, 2008. — С. 238–239.

написал не «бабр», а «бобр». Художники сильно озадачились: бобр с соболем в зубах – это круто! Но задачу выполнили. Правда, пришлось основному персонажу композиции увеличить размеры, но неповторимый хвост и перепончатые лапы однозначно маркировали вид.

Некоторое время, пока охотников-новопришельцев было ещё немного, сибиряки-аборигены продолжали бобровый промысел с прежними ограничениями – религиозными по форме и экологическими по содержанию. Особо значимыми здесь были идеи **тотемизма**, основными проявлениями которых были определённые ограничения в охоте на животное, почитаемое за предка. В одних случаях его запрещалось убивать вовсе, в других – в какое-то время года, в третьих – при определённых условиях... Вариантов здесь множество. Главное же – охота на животное-**тотем** была более ограничена, чем на другие объекты промысла.

В полной мере это относилось и к бобру. На всей территории расселения рода Бобра, о которой было уже сказано, ханты охотились на это животное только в случае крайней необходимости-

сти. Особенно это относится к р. Малой Сосьве и Конде. Здесь единственным исключением были случаи нечаянного столкновения охотника и бобра. Для животного это всегда заканчивалось трагически, ибо существовало поверье: отпустишь нечаянно встреченного бобра – смертельно заболеешь. Но часто ли уж могли происходить такие столкновения, учитывая великолепный слух, тонкое обоняние и необыкновенную осторожность зверька? И не этим ли ограничениям нам необходимо быть сегодня благодарными за сохранность западносибирского подвида бобра именно в Кондо-Сосьвинском бассейне?

Однако, несмотря на все охотничьи регламентации, бобр, как мы уже убедились, не мог всё же быть исключён из числа охотничьих трофеев. В Сибири отношение к нему было примерно таким же, как у индейцев Северной Америки, где бобр (наряду с медведем и бизоном) почитался за «манидо» – «божество, употребляемое в пищу». Вот как описывал в XIX в. бобровую охоту в Новом Свете известный исследователь Д.Д. Фрэзер: «Перед началом охоты на бобров индейцы возносили торжественную молитву Великому Бобру и дарили ему табак, а по окончании охоты местный вития (искусный в красноречии человек. – Я.Я.) служил по убитым бобрам панихиду. В ней он превозносил их мудрость и присутствие духа». После поедания мяса бобров индейцы тщательно сохраняли кости, не допуская их раскалывания, оберегая от собак и других хищников.

Те же самые обрядовые действия – умиловительное Бобра-прародителя словами и подношениями перед охотой и очистительные (искупительные) действия после окончания охоты, особое отношение к хранению и захоронению останков животного – выполняли и сибирские аборигены.

Особое отношение к бобриному мясу очень долгое время существовало и в Европе. Правда, подход к этому языческому атавизму в христианских церквях был разным. На основании полуводного образа жизни бобра католицизм приравнял его к рыбам и разрешил употреблять в пищу в пе-

«Что же помогло бобру... уцелеть в верховьях Конды и Сосьвы? В основном то, что испокон веков здешние уголья принадлежали нескольким малочисленным родам хантов и манси, они были их «вотчинами»; как по обычаю, так и по закону только сами «вотчинники» имели право промыслять тут. И они весьма разумно вели промысел. В особенности оберегались ими от истребления бобр, ибо «бобровая струя» была для них совершенно незаменимой в ритуальном и в иных отношениях. «Вотчинники» добывали бобров в меру, чтобы они не переводились. Но в 1920-х годах всё переменилось. Не стало «вотчин». В погоне за пушной сюда хлынули посторонние – русские, коми, татары. Они быстро разгромили соболя, а над бобром нависла самая реальная угроза полного истребления».

Гарновский К.В. В Кондо-Сосьвинском заповеднике 1940–1945 (Сокращённый вариант, законченный Е.В. Дорогостайской). – Шадринск: ПО «Исеть», 1993. – С. 9.

риоды постов. Говорят, для разнообразия постного меню нежным бобриным мясом в монастырях даже организовывали фермы по разведению этих животных. А вот православие, наоборот, категорически запрещало использование бобра в пищу. Новгородские священники в XIV в. на исповеди задавали специальный вопрос: «Не ядал ли бобровину или конину?».

Кстати, в обычае сибиряков беречь кости особо почитаемых животных, погребать их в недоступных для хищников местах, который был рождён поверьем о возрождении на основе старого скелета новой особи, заложена великая экологическая идея о необходимости восстановления человеком изъятых у природы ресурсов.

А разве можно не признать рациональными обычаями сибирских аборигенов не ломать при охоте на бобров их хатки, обязательно оставлять в гнезде половозрелую пару для сохранения и роста семьи, не добывать беременных самок...?

Однако рост добытчиков из некоренных жителей, разрушение **традиционной культуры** с её экологическим стержнем не могли не иметь для бобра печального итога: три последних века оказались для него роковыми на всей территории обитания. Легкость добычи зверя при богатстве трофея вызвали охоту на него в масштабах, до тех пор не мыслимых. Есть данные, что в XVIII в. из Нарымского края на Ирбитскую и Тогурскую ярмарки ежегодно вывозилось до 5 000 бобровых шкур и до 1,5 пудов струи. Очевидцы писали, что ещё в первой половине XIX в. бобра в Западной Сибири заготавливалось так много, что «вся одежда, вплоть до шапок, делалась из его шкуры». Ею даже подбивались лыжи.

Именно бобровый промысел занимал второе место в пушно-меховом хозяйстве Сибири от периода её освоения русскими и до времени истребления этого животного. Причём по ценности меха бобр считался наиглавнейшим. Не напрасно московское правительство запрещало скупку его шкурок частным предпринимателям, а при обнаружении нелегального товара – безвозмездно изымало его.

Аналогичные процессы поголовного жесточайшего истребления бобра протекали во всех местах его обитания – в Азии, Европе, Северной Америке. Например, около тысячи лет назад промысел бобра был взят под собственный контроль князьями Восточной Европы – Руси, Польши, Литвы.

Во-первых, используя современные нормативные аналогии, охота на него была «лицензирована». Исключительные права на добычу ценного зверя («бобровые ловы») получили так называемые бобровники. Полученные ими «полномочия» сделали бобровников одним из самых уважаемых сословий в княжеских и царских дворцах. Все прочие промышлявшие бобра объявлялись браконьерами и жестоко наказывались. Бобр – единственный представитель дикой природы, который получил статус... «предмета движимой собственности». Как предмет роскоши, средство передвижения, домашний скот и т.п. «Русская правда» – первый «Уголовный кодекс» Руси, принятый в XI в., – за кражу бобра наказывала штрафом в 12 гривен. Много это или мало? Таковую же сумму подсудимый был обязан выплатить за преступление против чести (скажем, за вырывание волос из бороды или усов), захватывание межи или стёсывание межевого знака и даже... за кражу либо убийство крепостного человека. Так что бобр и холоп в Древней Руси были в одной цене.

Во-вторых, бобров не только бездумно выбивали, но и пытались разводить («бобровые гоны»). Фактически они находились в то время на положении полудомашних животных. В своих высокоценных хозяйственных объектах бобровники выполняли, как бы сейчас сказали, «не только производственные, но и исследовательские задачи». В частности, они успешно занимались селекцией. Сохранились сведения, что в отдельных бобровых хозяйствах разводились колонии животных по масти – чёрные, рыжие, карие.

Это экологически оправданное и экономически продуманное начинание было пресечено монгольским нашествием. Кочевники, в быту кото-

рых шкуры и кожи занимали наиважнейшее место, обложили всех жителей Руси, включая однодневных младенцев, **ясаком**. Тут уж не до защиты природы... И бобра начали сводить с лица земли с утроенной энергией.

Когда в XVII-XIX вв. в Старом Свете бобр становился всё более и более редкой добычей, а спрос на него всё возрастал и возрастал, взоры охотников устремились на новые земли – на Сибирь и на Северную Америку. Все знают о «золотой лихорадке» на Аляске, но немногие слышали о предшествовавшей ей «бобровой лихорадке». Географически последняя протекала восточнее и западнее Великих озёр, но по содержанию она была наполнена точно такими же «алюскинскими» событиями, о которых повествуют произведения Джека Лондона и обильная фильмография Голливуда: тысячи сорвавшихся за лёгкой добычей охотников и искателей приключений; обманы и убийства; бродяги, ставшие крупнейшими мехоторговцами, и богатеи, превратившиеся в нищих...

В Европе американские меха тут же превращались в золото. Стоит ли после этого удивляться, что бобр (похоже, единственный из животных) стал даже причиной... самой настоящей войны. В 1756–1763 гг. её за право обладать бобровыми угодьями в Канаде вели Англия и Франция.

А на севере Америки – в Канаде и на Аляске – бобр даже стал... деньгами. Известно: у разных народов до изобретения монет и банкнот роль денег, как эквивалента товара, играли различные

Может быть, это портрет бобровника с прирученным животным в руках? Серебро, позолота. IX–X вв. Фонды Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск)

предметы – раковины, плитки чая, металлические слитки и т.д. Вот так появилась единица измерения «1 бобёр», то есть одна бобровая шкурка. За этот номинал в фортах-магазинах «Компании Гудзона залива» могли предложить на выбор четыре ложки, пару ботинок, два ножа, полтора фунта пороха, носовой платок или галлон бренди. А вот брюки, к примеру, стоили уже «6 бобров». Потому вполне закономерно смотрятся на гербе этой старейшей компании четыре силуэта бобра, причём на самом почётном месте – в центре, на геральдическом щите!

Да что там торговая компания! В геральдике Канады этот зверёк оспаривал и оспаривает право первенства у кленового листа. К примеру, он, наряду с королями и выдающимися деятелями, часто изображается на монетах этой страны (см. 2-ю стр. обложки). В 1851 г. хвостатый символ был помещён и на первой официальной почтовой марке Канады. Среди коллекционеров она так зовётся – «трёхпенсовый бобр».

Вся только что изложенная печальная летопись уничтожения бобров в Северной Азии и Северной Америке, к сожалению, относится и к территории Приобья и Зауралья. В 1675 г. по р. Кети – правому обскому притоку – добирался до Китая Н.М. Спафарий, посланник царя Алексея Михайловича. В дорожном дневнике он, удивляясь богатству Западной Сибири пушным зверем, в частности, отметил и «самых лучших чёрных бобров».

Как объекты охоты эти животные регулярно фигурируют в ясачных ведомостях (списках собираемых налогов) русских городов и острогов XVII–XVIII вв. В 1776 г. майор русской армии швейцарский врач Якоб Фрис, путешествуя по Оби, отмечал совершенно невыносимое для него, европейца, количество дичи: «Я насчитал по меньшей мере 50 островов, на которых было так много лисиц, зайцев и бобров, что можно было видеть, как они подходят к самой воде... После захода солнца тучи пернатых своими криками поднимали такой страшный шум, что мы не могли слышать слов друг друга». Прошло только три века. Это мгнове-

ние по сравнению с историей нашей планеты, но его хватило, чтобы мы убили большинство животных на этих берегах. И сегодня «после захода солнца» – увы – лишь тучи комары, а не пернатых «поднимают такой страшный шум».

Ещё в первой четверти XIX в., по некоторым оценкам, в Нижнем Приобье добывалось до 50 бобров в год. Но, по сравнению с предыдущими десятилетиями, эта цифра была уже ничтожной. Да и относилась она к северной югорской глухомани. В южных, более заселённых районах «король грызунов» был уже выбит. Здесь, к примеру, бобровой струи уже не хватало даже для собственного потребления. Она исчезла даже в Тобольске, и в июле 1829 г. гражданский губернатор вынужден был послать сургутскому отдельному заседателю запрос «отобрать от торгующих в Сургуте лиц, какую именно последнюю и без малейшего излишества цену согласятся взять за каждый фунт бобровой струи, нужной для Тобольской казённой аптеки». Ответ был неутешительным: «Бобровой струи в течение сего (1829) года в продаже по Сургутскому отделению не было и ныне оной в руках ни у кого не имеется; как инородцы, так и русские в промыслах своих сих зверей не добывали».

Первая официальная почтовая марка провинции Канада – «трёхпенсовый бобр». 1851 г.

Герб «Компании Гудзонова залива» с фигурами бобров на геральдическом щитке

1820-е гг.

«В покупке бывают медвежьи, бобровые, лисьи, собольи, волчьи, беличьи, заячьи, горностаевые и частью бурундучьи шкуры; песцы разных сортов, как-то: голубые, синие, белые, «кратоватики», норники; из прочих росомахи и выдры; лосиные и оленьи кожи и кедровые орехи... По недостаточному же в настоящих годах лову зверей число шкур в покупке бывает: медвежьих 50, бобровых 50, лисьих 5000, собольих 800, волчьих 200, беличьих 100 000, заячьих 500, горностаевых 10 000, песцовых голубых 40, песцовых других сортов 15 000, росомаховых 30, выдровых 40, лосиных 300, оленьих 10 000...»

Белявский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю / Предисл. А.К. Омельчука. – Тюмень: Мандр и К°, 2004. – С. 31–32.

1884 г.

«Есть ещё одно животное в обском крае, весьма ценное по доставляемым им веществам и доживающее ныне последние дни в истинном смысле слова. Прежде оно было распространено в Западной Сибири на довольно широкой площади, а ныне носятся только слухи о его существовании в нескольких отдельных местах. Животное это — речной бобр. Лет сто назад он водился ещё во многих речках, впадающих в нижний Иртыш и Обь... Молва гласит, что ныне бобры остались только в верховьях Сосвы».

Поляков И.С. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. — СПб.; М.: Изд-во Вольф, 1884. — Т. 11: Западная Сибирь. — С. 139–178.

Дошло до того, что в торгово-обменных операциях бобровой струей участники поменялась своими местами. Если прежде русские купцы приобретали её у хантов и манси для вывоза на продажу за пределы Сибири, то теперь они закупали этот ставший дефицитным товар на Ирбитской ярмарке, чтобы с выгодой перепродать его своим бывшим поставщикам. А на Ирбитскую ярмарку столь нужный сибирякам товар поступал из... Северной Америки, где как раз бушевала «бобриная лихорадка». И в итоге мансийку на озере Орантур окуривали после родов дымом от сжигания желез бобра, убитого на озере Онтарио на другой стороне планеты.

К середине того же столетия бобр на Оби был уничтожен почти поголовно. Путешественники и исследователи указывали на это единодушно. Например, краеведы Нарымского Приобья князь Н.А. Костров и полицейский пристав А.Ф. Плотников независимо друг от друга вынуждены были написать: «Бобр в 1840-х годах совершенно был уже выловлен — уничтожен». Примерно на ту же дату тотального уничтожения этих животных в Сургутском Приобье указал в 1913 г. сотрудник Императорского Томского университета С.М. Чугунов: «По рассказам местных жителей, бобр прежде водился по р. Малому Югану и по р. Ваху; уже более 50 лет его не находят в пределах Сургутского уезда».

А в конце того же 19-го столетия при строительстве Обь-Енисейского канала были обнаружены уже лишь кости этих животных. Печальное и красноречивое сравнение: только 150–200 лет назад с этих мест в Томск везли десятки бобровых шкур; теперь же с р. Язевой, что попадала в русло канала, в губернский центр (в качестве раритета!) смогли доставить уже только... скелет бобра.

Среди местного населения рассказы о бобрах передавались из уст в уста ещё несколько десятилетий после того, как был выловлен последний из них. В этих рассказах чувствовалось неравнодушное отношение к несчастным животным, сожаление и даже вина за содеянный человеком грех. Места былых бобровых поселений помнили ещё очень долго, они служили ориентирами, вошли в местную топонимику. Например, в хантыйских названиях бассейна р. Васюгана известны озеро *Махвелин тамуры* и речка *Махаллам игай*. Первое грустно переводится «Последнего убивали бобра», второе — «Речка, где лежал бобр». В бассейнах р. Югана, Агана и Казыма только названия речек *Инквой-ях*, *Евур-ях*, *Йингк-вой-ёхан* показывают места бывшего обитания бобров.

Нельзя сказать, что власти не пытались повлиять на ситуацию. Экологическое право появилось отнюдь не в нашу эпоху. Так, 14 апреля 1851 г. Совет главного управления Западной Сибири отправил тобольскому гражданскому губернатору «Правила для предупреждения совершенного истребления речных бобров в Западной Сибири».

Эти правила были просты и понятны:

«1. Запретить вообще в Западной Сибири ловлю речных бобров в продолжение пяти лет.

2. В местах, где водятся речные бобры, запретить на расстоянии полверсты истребление кустарников и всякого рода деревьев, особенно тополя, ивы и берёзы, которыми они наиболее питаются.

3. Наблюдение за исполнением сего возложить на старост (родоначальников), родовые управления и инородческие управы...».

Песня русских старожилов Сибири

Жёрдочка тонка,
 А речка глубока.
 Как во той во речке
 Купался бобёр
 Чёрной, вороной.
 Купался, купался —
 Не выкупался,
 Весь вывозился.
 На горку шёл,
 Отряхивался.
 Охотнички свищут,
 Чёрного бобра ищут.
 Хотят бобра бить,
 Ружьём застрелить...

...Речка очень глубока,
 В той же речке во глубокой
 Купался бобёр.
 Он купался, он купался,
 Всё отряхивался.
 Хотят ноне бобра бить,
 Хотят Маше шубу шить...

В соответствии с пресловутой «вертикалью власти», 5 июля 1851 г. Тобольское губернское правление отправило соответствующий указ сургутскому отдельному заседателю, а тот разослал полученную инструкцию в 13 инородческих управ. Очевидно, что эффекта такая мера иметь не могла. Ограничить охотника в охоте и при этом поручить ему же контроль за исполнением этого ограничения – что может быть наивнее?

Сегодня надо признать, что бобр в Сибири (и не только в ней) стал жертвой алчности человека. Кажется, первым это научно обосновал и довел до сознания общественности в середине прошлого столетия профессор В.Н. Скалон – автор хрестоматийной по этой теме монографии «Речные бобры Северной Азии» (и сотрудник в 1938–1941 гг. расположенного на территории Югры Кондо-Сосьвинского заповедника, между прочим). Он рассмотрел весь комплекс проблем, связанных с исчезновением в этом регионе бобра, проанализировал все выводы зоологов XIX–XX вв. по указанному вопросу и пришёл к определённом выводу: «Не подлежит сомнению, что исчезновение бобров в Северной Азии отнюдь не есть следствие каких-либо естественных причин, но прямой результат истребления его человеком».

Точных данных о количестве бобров в России в начале прошлого столетия нет. Одни зоологи говорят, что тогда осталось только 700–900 животных, рассредоточенных по 15 территориям обитания. Другие, определяя поголовье примерно в тех же цифрах в 800–900 особей, указывают только на 4 очага их обитания: бассейн Днепра (р. Березина, Сож, Припять, Тетерев), бассейн Дона (р. Воронеж), бассейн нижней Оби (р. Конда, Малая Сосьва), бассейн верхнего Енисея (р. Азас). Третьи полагают, что бобров к той поре сохранилось таки вдвое больше – до 2000 особей.

Несмотря на разницу, все эти цифры одинаково обнажили остроту проблемы сохранения бобров. С 1922 г. охота на них в СССР была повсеместно запрещена. В следующем году в Воронежской области вдоль реки Усмань был организован охотничий заказник, в 1927 г. преобразованный в Воронежский государственный заповедник. В те же времена были созданы ещё два заповедника – Березинский и Кондо-Сосьвинский.

С тех пор природоохранная деятельность в отношении бобра – пусть и не такая масштабная, как требовала ситуация, – проводилась в стране постоянно, прервавшись только на период Великой Отечественной войны. В 1927–1941 гг. в 14 областях было расселено 316 животных, в 1946–1970 гг. – ещё 12071. И, как следствие, к кон. 1960-х гг. бобр вернулся на большинство тех территорий, где обитали его предки в XVII в.

Земли и воды Югры тоже активно участвовали в этом позитивном процессе, поскольку чудом со-

хранившиеся сибирские аборигенные бобры тоже взывали о помощи. Ведь от когда-то плескавшегося здесь моря этого зверька к нач. XX в. на пресловутых «необозримых сибирских просторах» остались лишь две жалкие лужицы: в труднодоступных для охотничьего промысла районах Минусинской котловины и Тувы сохранился саянский подвид, в Кондо-Сосьвинской болотистой глухомани между Уралом и Обью – западносибирский подвид.

Западносибирский речной бобр уже давно является редким животным. Впервые о нём написал в 1876 г. зоолог И.С. Поляков. В период 1892–1904 гг. информацию о нём собирали путешествующие натуралисты К.Д. Носилов и П.П. Инфантьев. Первый даже привёз в Москву на всемирный съезд естествоиспытателей заспиртованную тушку бобра с р. Конды. По этому образцу в 1929 г. зоолог М.К. Серебренников сделал первое научное описание особого подвида западносибирского речного бобра.

В 1926–1928 гг. около 350 особей этого подвида были зафиксированы на 45 речках – 22 при-

---

1902 г.

«Бобр встречается лишь в верховьях р. Конды. Весною 1902 года вогулом юрт Орентур, Савелием Петровым, были убиты два бобра, шкуры которых приобретены мною в с. Шацком, во время поездки по р. Конде».

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. – М.: Либерия. 1995. – Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. – С. 153.

Западносибирский подвид бобра

токах среднего течения р. Малой Сосьвы (приток р. Северной Сосьвы) и 23 притоках верхнего и среднего течения р. Конды (приток р. Иртыша). При этом около 50 животных ежегодно попадали в руки промышленников, а ещё от 12 до 25 тонули подранками после неудачных выстрелов. Надо было срочно принимать меры по спасению этой чудом сохранившейся популяции. Очень эмо-

ционально, совсем не в «научных выражениях» ответственность человека за сохранность этих бобров высказал в 1928 г. профессор Московского университета Г.А. Кожевников: «Стыд и позор будет, если мы не спасём уральского бобра!».

Решение оказалось эффективным и своевременным – 26 апреля 1929 г. был создан заповедник! На немалой даже для Сибири площади 800 тыс. га. Первое его название было длинным – Северо-Уральский государственный охотничий заповедник (боброво-соболиный). Но 1 июня 1934 г. Президиум ВЦИК переименовал учреждение в *Кондо-Сосьвинский государственный заповедник*, и именно под этим именем оно сохранилось сейчас и в литературе, и в памяти югорчан.

1892 г.

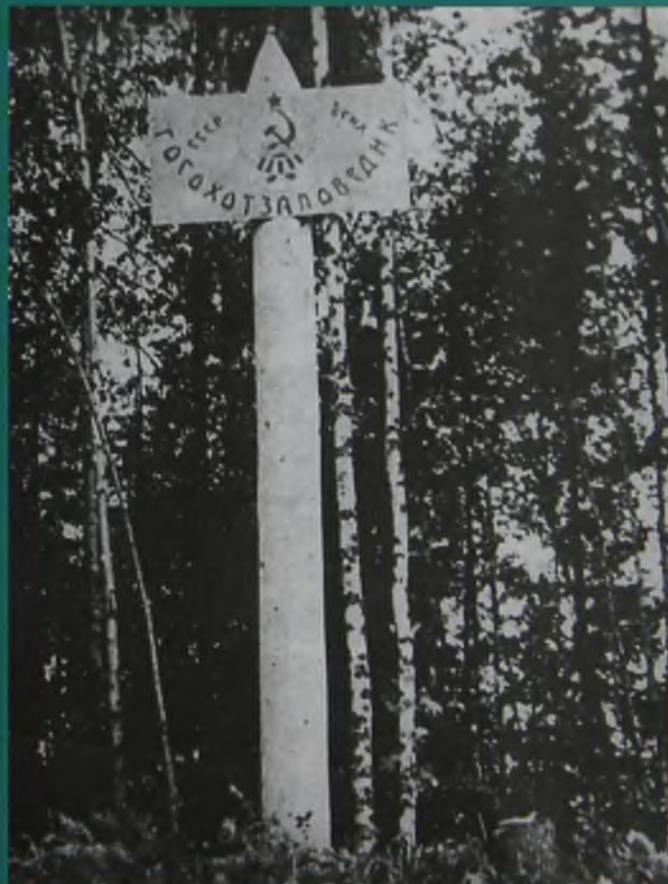
Беседа П.П. Инфантьева с К.Д. Носиловым:

«... Главная моя цель — добыть уральского речного бобра, которого я обещал представить на имеющийся быть в начале августа этого года, в Москве, всемирный съезд естествоиспытателей.

— Да разве этот бобр уж настолько интересное животное, что за ним стоит специально ехать такую даль? — удивился я.

— О, да. Этот уральский бобр в настоящее время совершенно редкостное животное, и, кроме того, он никем ещё не исследован и нигде не описан. Несмотря на все попытки, стоившие больших денег и даже нескольких человеческих жизней, до сих пор никому не удавалось добыть ни одного цельного экземпляра этого, теперь вымирающего, зверя».

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / Пре-
дисл. Г.И. Данилиной. — Тюмень: Мандр и К^о, 2003. — С. 2.

Первый указатель границы Северо-Уральского заповедника

При своём образовании заповедник находился в ведении Госторга (Уралпушнина). На юге его территория подпиралась Оронтурскими юртами, на севере – с. Шухтунгорт (в нём сначала находилась контора учреждения, в 1938 г. переведённая в юрты Хангокуртские).

Основной задачей режимного учреждения стала охрана уцелевших бобров и восстановление их численности путём увеличения поголовья и расширения территории обитания. Конечная же цель была чисто прагматической – вернуть в будущем это животное в список основных охотничьих трофеев. По сути дела, это был бизнес-проект государства, первым этапом которого стала природоохранная экологическая программа.

Достичь выполнения этих задач заповедник пытался двумя способами.

Во-первых, на удобные для бобриного обитания участки приобской тайги было решено привезти родственников местных инквоек (хантыйское название бобра). Это позволило бы поголовье не только увеличить количественно, но и повысить качественно. В частности, улучшить свойства их рыжеватого меха. Из Воронежского заповедника были доставлены представители восточноевропейского подвида (он со временем стал численно доминировать). Собирались даже привезти из-за океана ценимых во всём мире тёмных канадских бобров, но этим планы почему-то не осуществились.

Во-вторых, расселялся аборигенный подвид. Так, в 1935–1937 гг. около двух десятков (опубликованы цифры 19 и 26) хвостатых обитателей Малой Сосьвы и Конды тремя партиями были перевезены в бассейн Демьянки. Однако время показало малый эффект от такой деятельности. Поначалу, как пишут зоологи, дети и внуки этих мигрантов постепенно заняли верхний и средний отрезки реки. Однако позже эту популяцию истребили. Видимо, провидческим оказался угорский фольклор, указывающий на одновременное исчезновение остяков и бобров на югорской земле, – сибирские аборигены (и люди, и бобры) повсеместно уступали

место пришельцам. Исследования 1979 и 1981 гг. показали, что демьянские водоёмы уже обжиты бобрами других подвидов. Те перебрались сюда с водоёмов соседних Омской и Томской областей, в которые в 1950–1960-х гг. были завезены из Европейской России и Белоруссии.

В долгосрочных планах работников заповедника было создание образцового «бобрового хозяйства» на Конде и Сосьве. Предполагалось даже в кондинских истоках возвести плотину для поднятия уровня воды и увеличить территорию, благоприятную для проживания этих грызунов.

Не осталось в стороне и научное изучение западносибирских бобров. Работники заповедника В.В. Васильев, В.В. Раевский, В.Н. Скалон, З.И. Георгиевская, А.И. Кошелев в 1929–1951 гг. полно и доступно представили научному сообществу своего хвостатого подопечного.

Судьба Кондо-Сосьвинского заповедника оказалась непростой. Как в жизни любого человека, как в летописи страны того периода, в ней смешались высокое и низкое, светлое и тёмное... С одной стороны, энтузиазм приезжих работников, которые в тяжелейших природных и бытовых условиях кондо-сосьвинской глухомани предпринимали героические усилия по изучению и спасению бобра и некоторых других видов местной фауны. С другой, попустительство местному браконьерству и даже участие в нём. С одной стороны, активная помощь и прямое участие в деятельности заповедника местного населения. С другой – продолжение охоты на бобра. Имела место и настоящая уголовщина – «Тайга всё спишет». Местный житель выдал работникам несколько хранившихся на священном месте бобриных шкур, после чего его настигла кара родственников и... протокол о несчастном случае. Борьба внутри администрации заповедника привела к тому, что, будто в жанре нынешних телевизионных «ментовских войн», была организована серия покушений, только вместо директора по ошибке застрелили одного из работников (тот после бани надел рубашку шефа), а заместителя директора убийцы просто не смогли обнаружить...

Но не эти детективные детали сейчас нужны. Важнее, что в доступной ныне литературе мнения об эффективности заповедника в деле спасения западносибирского бобра прямо противоположные.

Судя по одним документам, бобров продолжали выбивать и на заповедной территории. Как писали сами же работники заповедника в своём первом сборнике научных трудов, вышедшем прямо накануне войны в 1941 г., популяция *инкво* в границах режимной территории сократилась со 197 голов (56 – Малая Сосьва, 141 – Конда) в 1929 г. до 116 голов (36 – Малая Сосьва, 80 – Конда) в 1940 г. А за пределами охраняемых земель – например, на р. Онжас – этого эндемика уничтожили целиком.

Другие же источники – особенно современная литература по теме заповедника – говорят обратное. И приводят соответствующую статистику, которая утверждает: к тому же 1940 г. численность бобров в кондо-малососьвинском регионе не упала, а, наоборот, выросла. И составляла уже 500 голов, 200 из которых проживали непосредственно в границах заповедника. По разным оценкам, в 1950-х – нач. 1960-х гг. только в бассейне р. Конды мирно плескались около 1000 бобров. Постепенно разрасталась и группа на р. Демьянке. В 1950 г. здесь рыли норы и строили свои хатки 5 дружных бобриных семей (36 голов), в 1960 г. – 9 (40 голов). В 1981 г. эта субпопуляция насчитывала уже 200 особей.

В целом по Сибири, кстати говоря, численность этих животных к 1980 г. достигла, по разным данным, от 200 тыс. до 250 тыс.

Казалось бы: Ура! Человек сумел побороть свою алчность, и у его соседа по планете – бобра – появился шанс на выживание!

Увы... При любом из только что приведённых сценариев судьба бобра на Малой Сосьве и Конде оказалась трагической. А случилось это раньше или позже – какая разница?

Все годы советской власти заповедное дело в стране было ареной схватки двух сил (таковым

оно остаётся и ныне). С одной стороны сплотились учёные, дальновидные общественные деятели и граждане, понимавшие весь трагизм последствий для человечества неограниченного потребления природных ресурсов, с другой – ретивые «хозяйственники», поднявшие мичуринский лозунг не ждать милостей от природы, а грабить её всеми доступными силами и средствами. В зависимости от успехов тех или иных заповедники и находились в состоянии постоянного реформирования. Например, Кондо-Сосьвинский заповедник только за первые 10 лет своего непростого существования последовательно подчинялся 6 наркоматам (аналог нынешних министерств) и примерно десятку главков. В 1920-х гг. на волне активных преобразований в стране и созидательного порыва верх брали сторонники охраны природы. Однако в условиях укрепившейся социалистической модели хозяйствования, «где всё вокруг колхозное, где всё вокруг моё», под лозунгом восстановления порушенного войной хозяйства активизировались сторонники неограниченного пожирания природных ресурсов. М.М. Пришвин 17 июня 1951 г. записал в дневнике: «...В связи с торжеством мичуринской теории поставлен вопрос о закрытии всех заповедников в природе: зачем охранять девственную природу, если она должны быть преобразована?..».

И они победили. 29 августа 1951 г. «главный мичуринец» И.В. Сталин подписал Постановление Совета Министров СССР № 3192 с кратким, но понятным названием «О заповедниках». Согласно этому документу из 47 заповедников, действовавших к той поре на территории РСФСР, 27 были ликвидированы. При этом площадь оставшейся заповедной территории сократилась на 93%. В Сибири вообще остался единственный заповедник – «Столбы» под Красноярском.

В том сталинском «расстрельном списке» значился и Кондо-Сосьвинский заповедник. Хорошо,

что бобры не умеют читать. Всё-таки легче доживать отпущенный тебе срок жизни, не зная об уже вынесенной «высшей мере наказания».

А с 1960-х гг. в Сибири был вновь разрешён бобровый промысел, и животных стали убивать, уже не скрываясь. И в это же время началось активное промышленное освоение севера Сибири. Сначала людям потребовался лес, потом нефть и газ. Нужно было прокладывать дороги и линии электропередач, строить посёлки для постоянно увеличивающегося населения и масштабные промышленные объекты для добычи и транспортировки углеводородного сырья... Разве можно заметить маленького мохнатого зверька и его детёнышей на фоне огромной дожимно-насосной станции? Конечно, нет.

Трагические результаты сказались тут же. Как пишут учёные-натуралисты, «ликвидация заповедника, совпавшая с резкой интенсификацией хозяйственной деятельности человека в регионе, ввергла популяцию в депрессию». В 1970 г. в бассейне р. Конды из бывшего тысячного стада бобров удалось найти только от 300 до 400 голов; на р. Малой Сосьве и верхнем Тапсуе и того меньше – 100–150. А в течение следующего десятилетия оказались выбитыми около половины кондинских бобров (осталось 180–200 голов) и почти целиком – малососьвинские (выжили только 10 зверьков!). Для бобра наступил второй этап истребления: чтобы его увидеть, нужно было обойти сотни и сотни квадратных километров тайги. Однако, по изуверской логике охотников, такая редкость зверя лишь увеличивает желание его добыть.

Только в 1971 г. на развалинах бывшего заповедника был создан заказник «Верхне-Кондинский», а в 1976 г. – заповедник «Малая Сосьва». Охранные мероприятия последних двух десятилетий позволили чуть-чуть восстановить поголовье местных бобров – в 2002 г. оно составило около 400 голов (300 из них в заказнике и в заповеднике). Нынче бобровые хатки потихоньку распространяются по правым притокам среднего течения Конды – речкам Евре, Чёрной, Выне, Канде, Леушинке, Куме

и др. Однако их количество ещё очень далеко до статистики 1930–1940-х гг.

Сегодня бобр находится под угрозой исчезновения. Он внесён в Красную книгу Международного союза охраны природы, Красную книгу Российской Федерации, Красную книгу Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Красную книгу Ямало-Ненецкого автономного округа...

А между тем альтернатива безумному и варварскому уничтожению бобра имеется. Специалисты предлагают несколько вариантов. Например, возрождение практиковавшихся в средневековой Руси и забытых сегодня бобровых хозяйств, речь о которых шла выше.

Бобровое хозяйство было широко развито и в дорусской Сибири; как отзываются специалисты, «при всей примитивности оно сохраняло несомненные элементы правильного охотничьего хозяйства». Именно благодаря этим мерам – продуманной охране и сокрытию от посторонних – сохранился Кондо-Сосьвинский очаг аборигенного подвида бобра.

Проводятся такие работы (разумеется, уже на научном уровне) в некоторых странах и сейчас. В России этим занимаются сотрудники Воронежского заповедника – того самого, откуда не так уж по историческим меркам давно бобры расселялись по Сибири. Одним из перспективных направлений, как полагают зоологи, являются поиски решения проблемы прижизненного извлечения бобровой струи, остро необходимой для изготовления медпрепаратов и парфюмерной продукции.

Ещё одним способом восстановления поголовья бобра в Сибири может стать его клеточное разведение, но специалисты считают этот путь менее продуктивным, чем вольный выпуск.

Как же так могло случиться, что этот зверёк, опромышляемый уже около двух десятков тысячелетий, был сведён с лица сибирской земли всего за два века? Всё дело в совершенно разном подходе к природопользованию. Охотники и рыболовы **традиционных культур** не изымали из природы больше, чем она могла дать без ущерба

3 руб. 1992 г. Республика Беларусь

для себя. Мы же берём столько, сколько в состоянии урвать, похитить, отобрать. Налицо – кризис, отсутствие механизма взаимодействия человека и природы.

У наших предшественников имелся многотысячелетний коллективный опыт обращения с природой, который выкристаллизовался в ряд морально-нравственных установок и поведенческих правил. Первые приняли форму религиозных воззрений, вторые – культовых обычаев и обрядов. И поэтому необходимо признать: религии традиционных обществ были глубоко экологичными. А это значит, что, несмотря на иррациональную оболочку, они формировали, сохраняли и передавали рациональную экологическую культуру.

Так что не стоит выдумывать ничего нового – надо лишь обратиться к опыту предков, сумевших, как выражаются учёные, «сформировать эколого-хозяйственный баланс». Другими словами – научившихся веками сосуществовать с

бобром, умудряясь при этом удовлетворять свои нужды в его мясе, шкуре, струе без особого ущерба для поголовья зверя. Шансы вернуть былое распространение и хозяйственное значение бобра в Сибири ещё есть. Но они уменьшаются. И без продуманных мероприятий в этой области могут исчезнуть вовсе.

Однако акции любого уровня, вплоть до общероссийских и межгосударственных, могут оказаться бесполезными, если не изменится наша психология – психология тупых иждивенцев, неблагодарных и алчных потребителей природы. Когда-то ханты искренне веровали: «Умрёт последний бобр – умрём и мы». А русские старожилы говорили: «Убить бобра – не видать добра».

Мы тоже должны понять и принять эту простую истину: благополучие нашего природного общежития, и людей в том числе, возможно лишь при уважении права каждого на своё место в этом мире – и человека, и... бобра.

Подсказка по специальным терминам и именам

Анимизм (от лат. «anima / animus» – «душа / дух») – одна из наиболее ранних форм религиозных представлений, которая была присуща всем цивилизациям и культурам. В основе анимизма лежит идея одушевления всей природы – с точки зрения современной науки, как живой, так и неживой. В жизни это выражалось в вере в духов и в наличие души буквально во всём – в людях, животных, деревьях, камнях, вообще во всех вещах этого мира... Душа – это нечто такое, что существует совершенно самостоятельно. Поэтому она способна входить в контакт как с людьми или животными, включая своего хозяина, так и с другими душами. На языке нынешних фантастов мир душ можно назвать параллельной реальностью. Анимистическая идея существования души и духов вошла во все религии, возникшие позже, в том числе и в мировые – христианство, буддизм, ислам.

Антропоморфный (-ая, -ое) (от греч. «anthropos» – «человек» и «morphē» – «вид») – человекообразный, человекоподобный, в облике человека.

Археологический памятник / Памятник археологии («археология» – от греч. «archaios» – «древний» и «logos» – «понятие / мысль») – объект материальной культуры, содержащий в себе определённый объём информации о прошлом (чаще – о бесписьменном периоде истории). Он, как правило, состоит из совокупности остатков древних сооружений, отложений (культурного слоя) и содержащихся в этих отложениях предметов материальной культуры (артефактов), связанных в одно целое историей своего происхождения.

Для территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры наиболее распространёнными видами археологических памятников являются:

– поселения (места бывшего проживания людей), которые делятся на городища (укреплённые поселения) и селища (неукреплённые поселения);

– грунтовые могильники (места бывшего захоронения людей);

– культовые места / святилища (места бывшего исполнения религиозных обрядов).

Зооморфный (-ая, -ое) (от греч. «zoon» – «животное» и «morphē» – «вид») – животногообразный, животноподобный, в облике животного.

Калтащ-эква / Калч-эква / Калтащ-анки / Пугос-анки / Йоли / Сорни-эква / Золотая Баба – так называют свою главную богиню манси и ханты. По одним мифологическим версиям, она приходится женой верховному божеству Нуми-Торуму, по другим – дочерью, по третьим – матерью. Эта богиня, кроме естественного для него женского облика, может также принимать вид зайчихи, гусыни, бобра, ящеровидного существа. Её священным деревом считается берёза. «Первая леди» обскоугорского пантеона вместе со своим всемогущим спутником (супругом, отцом или сыном) участвовала в сотворении мира. В частности, это именно она попросила укрепить только что созданную, ещё зыбкую землю тяжёлым мужским поясом. Она же наделила первых людей душами, а потому, помимо иных ипостасей, почитается и в ранге прародительницы рода человеческого. Творческая натура великой богини предопределила её функции наделять новорожденных душами, покровительствовать беременным женщинам и матерям, помогать при родах, вершить людские судьбы. Каждый хант или манси почитает её за вторую мать, поскольку при появлении на свет от земной матери он получает тело, а от небесной – душу.

Куль-отыр / Куль-отир / Хуль-отыр / Куль / Куль-лунк / Кынь-лунк (от манс. – «куль» – «злой дух» и «отыр» – «богатырь») – в мансийской мифологии так назван бог подземного мира, хозяин злых духов и болезней.

Некоторые мифы говорят о том, что он и его дети проживают в золотом доме в большом подземном городе.

Образ этого героя пантеона сибирских угров достаточно противоречив.

Во-первых, не совсем выявлена степень его родства с главным богом Нуми-Торумом: где-то Куль-отыр представлен его братом, где-то – сыном.

Во-вторых, нет точного указания, каким образом он оказался в Нижнем мире. Это место определено то местом его рождения, то районом его ссылки своим всемогущим

отцом, то территорией, куда он просочился из Среднего мира через ямку от посоха Нуми-Торума.

В-третьих, непонятна его роль – то благожелательная, то вредоносная в отношении людей. По одним космогоническим мифам, он – партнёр Нуми-Торума при сотворении мира. Именно Куль-отыру мы должны быть благодарны за появление земли – нашего общего дома. Это он в обличье гагары по приказу Нуми-Торума нырнул в воды первичного океана и достал со дна ил – основу нынешней суши. И распространение болезней среди людей было не инициативой Куль-отыра, а приказанием Нуми-Торума, который таким образом хотел воспрепятствовать слишком быстрому размножению людского племени. У манси с. Ясунт Куль-отыр является даже духом-покровителем, а его изображение в виде деревянной антропоморфной фигуры с заострённой головой служит объектом поклонения. Другая часть устнопоэтического творчества хантов и манси утверждает обратное: Куль-отыр – носитель враждебного начала. В ходе строительства мира он больше чинил всяческих препятствий, чем оказывал помощь Нуми-Торуму. Так, при создании суши он, имевший тогда обличье гагары, выплюнул на поверхность океана не всю извлечённую со дна землю, часть осталась утаённой в клюве. И только когда по велению Нуми-Торума первоземля стала разрастаться и распирать клюв, коварное божество вынуждено было выплюнуть остатки, которых хватило ни много ни мало как на Уральские горы. Позже Куль-отыр выпрашивал у Нуми-Торума и прятал светила, вредил при создании людей, создал вредоносные существа (червей, жуков, комаров и др.). Самое главное его злодеяние – внесение в человеческих мир болезней. Перволюдей, созданных Нуми-Торумом (или Тапал-ойкой) из прочной лиственницы, этот коварный злодей подменил на образцы, слепленные из хрупкой глины – и теперь люди подвержены заболеваниям. Смертельно заболеть можно очень просто – достаточно лишь прикоснуться к большой чёрной шубе, в которую всегда одет это злой бог. И поныне Куль-Отыр вредит людям, соблазняя их на нарушение предписаний Нуми-Торума.

Сегодня Куль-отыр почитается как владыка мёртвых. Это он получает от верховного бога Нуми-Торума письменный перечень тех, кто должен умереть, и в тот же день перевозит их на своей лодке в загробный мир.

Металлопластика – один из древних видов художественной обработки металлов, ставший сегодня отдельным направлением декоративно-прикладного искусства.

В классическом искусствоведении он чаще понимается как продукт создания рельефных изображений на тонких металлических листах толщиной до 0,5 мм путем выдавливания контура рисунка. Однако в музееведении, археологии и коллекционировании «художественной металлопластикой» или просто «металлопластикой» стали называть небольшие по размерам художественные отливки – от языческих фигурок людей, животных и хтонических существ до православных икон. В книге речь идёт именно о первых.

Мир-Сусне-хум, Мир-Севити-хо («За миром наблюдающий человек») / **Орт-лунк** («Князь-дух») / **Орт-ики** («Князь-старик») / **Мастерко, Мастер, Ворт** («Господин / Князь / Герой») / **Отыр** («Князь / Богатырь») / **Отыр-ойка** («Князь-старик») / **Нум-сорни** («Верхний золотой») / **Сорни-орт** («Золотой князь») / **Сорни-отыр** («Золотой богатырь») / **Сорни-хон** («Золотой владыка») / **Кон-ики** («Господин старик») / **Кантых-кан** («Хантыйский князь») / **Торум-пах** («Торума сын») / **Торум-Тонх-ики** («Бог-дух-старик») / **Эны-ики** («Большой старик») / **Лунт-отыр** («Гусь-богатырь») / **Лунс-хум** («Всадник») / **Али-хум** («Верхний человек») / **Ас-Талых-хум** («Верховьев Оби человек») / **Троитьс-ики** («Троицы старик») / **Тарыг-пещ-нималя-сов** (точного перевода нет). Это не полный перечень мифологических имён особого героя обско-угорского пантеона – уважаемого, почитаемого и любимого.

В сказках он зовётся иначе: **Ими-хиты** («Бабушкин внук») / **Альви** / **Альвали** – у хантов; **Эква-пырысь** («Женщины сынок») / **Эква-пыпырысь** («Сынок сына женщины») – у манси.

Наверное, именно этому герою принадлежит первенство по количеству и красочности эпитетов в мифологии и фольклоре сибирских угров. Каких только поэтических строк он ни заслужил! И «Человек многих стран, странник многих стран», и «Золотой, в образе золотого гуся», и «Царь идущих облаков»...

Мир-Сусне-хум – седьмой и последний сын верховного божества Нуми-Торума и его супруги Калтащ-эквы. В действительности по причине своих выдающихся достоинств, а формально за победу на конных состязаниях он стал лидером младшего поколения божественной семьи, связующим звеном между людьми и своим всемогущим родителем, а, значит, и покровителем рода человеческого. По своему происхождению (сын верховного бога) и функциям (защитник людей) Мир-Сусне-хума без натяжки можно назвать Иисусом Христом обскоугорского мира.

По приказанию своего всемогущего отца он постоянно следит за миром людей, опекает его, вносит в него справедливость и знания. У северных хантов и манси к нему адресуют свои просьбы шаманы.

В визуальном пространстве верований и обрядовой поэзии этот вечно молодой и сильный бог представлен в образе всадника на белом восьмикрылом коне, объезжающего мир на высоте облаков. Если он решит спуститься на землю, то под копыта его коня традиция требует от людей подставить металлические блюда. Кроме человеческого, Мир-Суснехум имеет и зооморфный облик – речного гуся.

В некоторых мифах Мир-Суснехум представлен в качестве культурного героя. Он принимал участие в творении земли и человека, обучал и обучает людей различным промыслам, постоянно даёт им знания. В частности, он сотворил огонь, полезные растения и промысловых животных; первым начал охотиться на лося и обеспечил ежегодное появление с юга перелётных птиц.

Главное святилище этого бога располагалось в устье Иртыша около Белогорья.

Монотеизм (от греч. «monos» – «единственный» и «theos» – «бог») – единобожие; форма религиозного верования в одного персонифицированного бога. Монотеистические религии всегда имеют конкретных основателей. Некоторые религиоведческие теории утверждают, что монотеизм, или вера в одного высшего Бога, являлся первоначальной формой. Именно он стал истоком различных религий. Другие же (включая марксистскую) теории, наоборот, провозглашают монотеизм венцом развития религиозной жизни человечества и естественным результатом эволюции всех прежних религий (анимистических, политеистических и пр.).

Все современные мировые религии (христианство, буддизм, ислам) – монотеистические, поскольку объектом поклонения в них является один бог (триединый Бог-Отец + Бог-Сын + Бог-Святой Дух; Будда; Мухаммед).

Политеизм (от греч. «polys» – «многий» и «theos» – «бог») – многобожие; форма религиозного верования, допускающая существование нескольких или многих, в той или иной степени независимых друг от друга богов. Эта модель религиозного сознания приписывает власть в мире богам, которые, как правило, непосредственно или опосредованно олицетворяют природные стихии. Считается, что политеизм возник на этапе разложения первобытной общины и формирования первых государств.

Сакральный (-ая, -ое) (от лат. «sacer / sacri / sacralis» – «священный») – обозначение принадлежности явлений, предметов, текстов и людей к сфере божественного, религиозного, обрядового, ритуального. И, наоборот, противопоставление миру светского, мирского.

Тамга (по некоторым данным, от перс. «temgha» – «клеймо») – личный или родовой знак, распространённый до появления письменности у многих народов (монгольских, тюркских, угорских, самодийских и прочих, включая русских). Другие названия – клеймо, тавро, печать, «рукоприкладный знак». Преимущественно использовалась в качестве знака собственности на предметах (ненцы даже выстригали тамгу на боку оленя), позже стала удостоверять волю неграмотного владельца на различных документах.

Техника нанесения зависела от материала, на который наносилась тамга, и могла быть самой разнообразной, чаще – рисунчатой или штемпельной (оттиснутой).

В Сибири слово «тамга» больше известно именно в приведённом выше понимании. Однако в других местах оно могло использоваться и в иных значениях: на Руси обозначало одну из форм дани монголо-татарам, а также таможенную пошлину, взимающуюся при наложении специального клейма на провозимый товар; в других странах так назывался денежный налог с торговых сделок, ремесла и промыслов.

Торум / Нуми-Торум / Нум-Тоум – верховный бог хантов и манси. Сейчас это слово переводится как «Верхний бог». Хотя, как утверждают этнографы и лингвисты, до знакомства в XVII–XVIII вв. с православной идеей бога-творца обские угры в слово «торум» (как и их соседи – селькупы и ненцы – в слово «нум») вкладывали много разных понятий – «верх / верхняя часть», «вселенная», «небо», «небесный бог», «воздух», «погода», «природа», «век». Есть также мнение, что слово «торум» досталось хантам от тюркоязычных волжских булгар, у которых существовала подобная лексема в значениях «небо», «бог».

В мифологии – угорском аналоге христианских житий – этот человекоподобный предводитель пантеона имеет великое множество эпитетов: «Небесный бог», «Большой бог», «Великий бог», «Белый бог», «Золотой свет», «Верхний мир», «Белый старик», «Золотой свет», «Господь» и др.

Любопытна родословная этого бога, который считается третьим в цепочке небесных повелителей. Манси видят в нём сына Корс-Торума и внука Косяр-Торума, которые

обитают соответственно на втором и третьем ярусах Верхнего мира. У северных хантов Нуми-Торум считается сыном Нум-Курьса и внуком Нум-Сивеса. Есть у него также братья и сестры – Хотал-эква (божество солнца), Этпос-ойка (божество луны), Най-эква (божество огня), Куль-отыр (божество подземного мира). Помимо восходящей линии, присутствует в этой божественной родословной и нисходящая – дети Нуми-Торума: семь сыновей и дочь-богатырша. Жена небесного властителя – высшее женское божество Калташ-эква – в разных мифах называется также его сестрой или матерью.

По мнению безымянных авторов некоторых мифов, Торум – это осанистый старик в богатой золотой одежде, опирающийся на посох с золотым набалдашником. Живёт он на седьмом небе в роскошном золотом или берестяном доме «с серебряным дымоходом, с золотым дымоходом». Божественная постройка разделена на семь помещений, которые под завязку забиты богатствами: сосудами с живой и мёртвой жидкостями, книгами человеческих судеб, водой для наводнений... Перед домом стоит коновязный столб, а рядом с ним торчит верх лестницы, соединяющей небо и землю. На священном лугу с золотой травой пасутся лошади, коровы и олени.

Бог контролирует земные дела через отверстие в небе. По этому же каналу связи он на железной цепи спускает вниз своих посланников и поднимает к себе обитателей Среднего мира, которых удостоил аудиенции.

Торум – демиург и культурный герой, то есть создатель всего сущего. Правда, в этом творческом процессе вместе с ним энергично участвовал и его брат (бог Нижнего мира Куль-отыр), а в качестве советника – и супруга (Калташ-эква). В частности, именно Нуми-Торум придавил Уральскими горами неустойчивую поначалу твердь, сотворил и послал на землю дневной свет, создал человека и животных, привнёс в мир болезни и смерть, научил людей промыслам и ремёслам, дал им огонь и мораль (запрет жестоких и массовых убийств, порицание инцеста, формат отношений между людьми и медведями, обязанность помогать остро нуждающимся сородичам и пр.), одухотворил бытие религией...

Впрочем, по поводу функций Верхнего бога в делах человеческих у обских угров нет полного единства. По одним представлениям, которые больше распространены среди манси, он может наделить человека удачей или шаманским даром, определить погоду и сделать ещё массу крайне важных для людей дел. А по другим, чаще хантыйским, версиям Нуми-Торум, сотворив мир, счёл свою мис-

сию исчерпанной, и земными делами занимаются уже его дети (чаще это Мир-Сусне-хум) или невидимые смертным духи-помощники.

Атрибутами культа Торума считается белый цвет, берёза, возвышения рельефа (горы, террасы рек).

Сегодня учёные полагают, что образ всеильного Торума в качестве лидера пантеона обских угров возник под влиянием православия зырян и русских относительно недавно. А до того он мог быть рядовым божеством, ведающим погодой. К кон. XIX в. образ этого небесного божества слился с образом христианского бога.

Тотемизм (от алгонкинского «ототем» – «его род») – одна из ранних форм религиозных верований. В основе лежит идея о сверхъестественном родстве людей с различными тотемами (представителями животного и растительного мира, неодушевлёнными предметами, явлениями природы и даже астрономическими объектами), которые воспринимаются в качестве реального первопредка. Считалось, что эти предки в виде тотемов, как и положено предкам, покровительствуют и защищают жизнь и благосостояние тех потомков-людей, кто связан с ними общим происхождением и кровным родством.

Наибольшее распространение имел клановый (родовой) тотемизм, но известны также и другие виды этой религии – индивидуальный тотемизм (нагуализм), половой тотемизм.

С позиций материалистического крыла философии, тотемизм отражает проекцию на природу кровнородственных отношений человеческого общества, сформированных на этапе родового строя.

Пережитки тотемических воззрений имеются у всех народов и во всех религиях мира. По мнению З. Фрейда, в первую очередь тотемизм является предпосылкой и источником иудаизма и христианства.

Традиционная культура – это устойчивая, нединамичная культура. Она, конечно же, не замерла в своём развитии, но происходящие в ней изменения протекают так медленно, что не фиксируются коллективным сознанием данной культуры, что даёт право её носителям утверждать: «Мы живём так же, как жили наши предки». Традиционная культура может быть присуща разным по масштабам сообществам (от небольших социальных групп до огромных государственных образований, каким была допетровская Россия) и существовать в течение значительного времени. Одной из основных функций традиционной

культуры является утверждение и поддержание определённой картины мира.

Иногда традиционную культуру называют также народной культурой, чтобы противопоставить тем культурным новациям, которые возникли относительно недавно (за последние 100–150 лет), были привнесены извне или имеют элитарное происхождение.

Ныне учёные спорят, какая же из двух культур обских угров является традиционной – та, с которой столкнулись казаки Ермака, или та, что мы видим сегодня на национальных праздниках.

Фетишизм (по одним данным, от фр. «fetiche» – «талисман, идол»; по другим от португ. «feitico» – «амулет / магическая вещь») – форма религиозного верования; культ неодушевлённых предметов (фетишей), наделённых сверхъестественными свойствами. По мнению многих этнографов, на ранних этапах развития фетишизм был распространён у всех народов. Его элементы сохранились во всех современных религиях: христиане поклоняются мощам и иконам, буддисты – священным ступам, мусульмане – святым местам и чёрному камню.

В быту слово «фетишизм» часто используется для обозначения преувеличенного, суеверного благоговения перед какой-либо вещью, а ярким и распространённым наследником этой языческой религии является вера в амулеты, обереги, талисманы.

В сексологии же фетишизмом называется противоестественное состояние, при котором половое влечение вызывается неодушевленными предметами (одеждой, обувью, духами) или частями тела (волосами, ногтями).

Ясак – в тюркских языках это слово использовалось в качестве сторожевого и опознавательного клича. «Ясак!!!» – кричали в минуты опасности, подавая знак тревоги своим. Изначальная сигнальная функция этого слова осталась и при его появлении в русском языке. Например, так стали называть небольшой колоколец при церкви, которым подавали звуковые сигналы находящемуся на колокольне звонарю, «когда благовестить и звонить, когда перестать». Или – инструментарий ночных сторожей, который состоял из железной доски и бойка. Ночью охранники «били в ясак», оповещая тем самым жителей: «Всё в порядке. Ситуация под контролем».

Ясаком русские стали называть и условные, непонятные непосвящённым языки. У многих социальных групп – уголовников, бродячих торговцев, мастеровых некоторых специальностей и т. д. – существовал свой профессиональный сленг, недоступный всем прочим. Его-то и звали ясаком (позже уголовники свой словарь переименовали в «феню»).

Однако наибольшую известность слово «ясак» получило в качестве обозначения специальной дани (позже – подати, натурального налога). Она взималась натуральным продуктом (пушшиной, реже – скотом) сначала с народов Поволжья (XV–XVIII вв.), а затем Сибири и Дальнего Востока (XVII–XX вв.). С XVIII в. с уменьшением поголовья пушных животных этот налог стал постепенно вытесняться денежным эквивалентом, а затем и вовсе был заменён подушной податью (индивидуальным денежным налогом). Хотя некоторые группы «сибирских инородцев» выплачивали ясак пушшиной вплоть до Февральской революции 1917 г.

Где узнать о бобре подробнее.

Литература

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записки и этнографические заметки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 78.

Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 190.

Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М.: Мысль, 1988. – С. 71.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – № кат. 122, 177–237.

Васильев В.В. Кондо-Сосвинский заповедник // Подорожник: краеведческий альманах / ред.-сост. В.Белобородов. – Тюмень: Мандр и К^а, 2009. – Вып. 10. – С. 63–97.

Васин А.М., Еманова О.Н. Кондо-Сосвинский заповедник // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: в 4 т. – Ханты-Мансийск: ИД «Сократ», 2000. – Т. 2. – С. 63.

Гальченко А.В., Кирюшин Ю.Ф. Костные остатки речного бобра из археологических памятников Алтая // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. – Якутск, 1982. – С. 106–108.

Гарновский К.В. В Кондо-Сосвинском заповеднике 1940–1945 (Сокращённый вариант, законченный Е.В. Дорогостайской) – Шадринск: ПО «Исеть», 1993. – С. 9.

Гемуев И.Н. Мироззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – С. 104.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 166–168, 176–177.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. – М.: Либерия. 1995. – Т. 1: Общий обзор страны, её естественных богатств и промышленной деятельности населения. – С. 139, 153.

Завалишин И.И. Описание Западной Сибири / Предисл. Ю.Л. Мандрики. – Тюмень: Мандр и К^а, 2005. – С. 283.

Илес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китае (1692–1695). – М., 1967. – С. 96–105.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов / Предисл. Г.И. Данилиной. – Тюмень: Мандр и К^а, 2003. – С. 2, 128–129.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 27, 39.

Косинцев П.А. Костные остатки из поселений железного века Нарымского Приобья // Труды Томского государственного объединённого историко-архитектурного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. VIII. – С. 73.

Красная книга Ханты-Мансийского автономного округа: Животные, растения, грибы / ред.-сост. А.М. Васин. – Екатеринбург: Пакрус, 2003. – С. 24, 37.

Красная книга Югры глазами детей. – М.: Интербукбизнес, 2011. – С. 13, 19, 26, 41, 42, 50, 52, 62, 69, 73, 86, 98.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – С. 172.

Кулемзин В.Н., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 9, 92.

Легенды и сказки хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – С. 6.

Мифологический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

Мифология хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 152–153, 172–174, 227–229.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: в 20 т. Том: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – Табл. LXXVIII–21, LXXXII–12.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – С. 114.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. – Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. – С. 168–169.

Песков В.М. Монастырская сова и другие // Комсомольская правда. – М., 1995. – 17 февр.

Плотников А.Ф. Нарымский край // Записки Русского географического общества. – СПб., 1901. – Т. X, вып. 1. – С. 21.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 66, 105.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 30, 36, 43–50.

Поляков И.С. Старинное и современное Лукоморье // Живописная Россия. – СПб.; М.: Изд-во Вольф, 1884. – Т. 11: Западная Сибирь. – С. 139–178.

Северные архивы // Югра. – Ханты-Мансийск, 1992. – № 4. – С. 30–31.

Сказки народов Севера. – М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – С. 162.

Скалон В.Н. Речные бобры Северной Азии. – М.: Изд-во Московского общества испытателей природы, 1951. – 208 с.

Старков В.Ф. Новые находки плоского литья в Нижнем Приобье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 208–219.

Стойлов Э.В. За пощёчину – куница // Предприятие. – Томск, 1995. – 22 февр. – № 44–45.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 59, 65–71.

У наших ворот всегда хоровод. – Томск, 1989. – С. 21–22.

Фёдорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – С. 51, 60–61.

Фройде М. Животные строят: Пер. с нем. – М.: Мир, 1986. – С. 148–152.

Чугунов С.М. Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1915. – Вып. 24. – С. 1–44. Он же: Ежегодник Тобольского губернского музея. 1893–1918 гг.: сб. публикаций. – Екатеринбург: Баско, 2007. – С. 255.

Штильмарк Ф.Р. На службе природе и науке. – М.: ЛОГАТА, 2002. – 208 с.

Яковлев Я.А. Божественный король: Рассказ о бобре – мудреце и великом труженике // Полярная сова. – Сургут (ХМАО – Югра), 2007. – Октябрь. – № 4. – С. 20–23.

Яковлев Я.А. Рассказ о бобре – грызуне и божестве // Земля верхнекетская: Сборник научно-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – С. 76–117.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Kannisto A. Materialiensur mytologie der Wogulen. – Helsinki 1958: Пер. Р.А. Мосиенко. – ГПНТБ СО АН СССР. Пер. № 14382/1. – Новосибирск, 1988. (Рукопись). – С. 162.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Всё о бобрах [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.bober.ru/>

Оглавление

Бобр = король прыгунов	4
Бобр = архитектор + инженер + прораб + рабочий	10
Бобр + человек = родственники	16
Бобр = бог + космонавт + тройной агент + сторож адских врат	23
Бобр = доктор Айболит	32
Бобр = главный охотвед + природоохранный прокурор + посол	36
Бобр = натуристик + модель	38
Бобр = жертва преступления	44
Бобр = объект телохранителей	53
Подсказка по специальным терминам и именам	60
Где узнать о бобре подробнее. Литература	65

Научно-популярное издание

Яковлев Яков Александрович

*Мы с тобой
одной крови -
ты и я!*

Редактор В.С. Сумарокова

Верстка, дизайн ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

Подписано в печать 02.04.2013 г.

Формат 60x90 1/8.

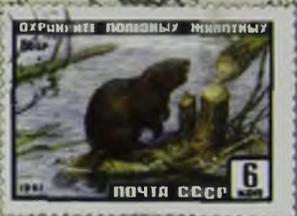
Бумага мелованная. Печать офсетная.

Печ. л. 7,75; уч.-изд. л. 8,25.

Тираж 400 экз. Заказ 213.

ООО «Издательство ТГУ». 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
ООО Фирма «Ацтек». 634045, Томск, Коларовский тракт, 8.

REPUBLIQUE FRANÇAISE

